

Дикая орлетчер

Дом там, где твое сердце

18+

К. А. ТАКЕР

LAV. Романтика

К. А. Такер
Дикая Флетчер

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Такер К.

Дикая Флетчер / К. Такер — «Издательство АСТ»,
2018 — (LAV. Романтика)

ISBN 978-5-17-144753-3

Калле Флетчер была совсем маленькой, когда мать увезла ее с Аляски в цивилизованный мир Торонто. Изоляция и экстремальные температуры оказались невыносимы для жены пилота, привыкшей ко всем удобствам большого города. Теперь Калле двадцать шесть, и оставшийся на Аляске отец долгое время был для нее прошлым, о котором она боялась вспоминать. Но теперь настала пора проделать непростой путь к пограничному городку, где она когда-то родилась. Плохие погодные условия, комары, короткий световой день, заоблачные цены – вот с чем Калле приходится мириться ради того, чтобы стать ближе к отцу. Компанию ей составляет Джона – тихий и гордый пилот, который сразу не принимает чужестранку, слишком нежную для жизни в экстремальных условиях. В отличие от Каллы, Джона не может представить себя в любом другом месте на планете и ни за что не променяет снежные горы ни на что другое. Он ждет не дождется, когда капризная девчонка наконец оставит его в покое и отправится туда, где ей самое место. Возможно, Джона и прав, но Калле не терпится уложить его на лопатки. Проходит время, и она понимает, что привязалась к ворчливому пилоту. Теперь их связывает что-то вроде дружбы или даже нечто большее, в чем они оба не могут себе признаться. В конце концов, Калла же вернется в Торонто, а Джона останется на Аляске. Было бы глупо влюбиться в человека, с которым ты никогда не сможешь быть вместе. Ведь так?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-144753-3

© Такер К., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	48
Глава 7	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

К. А. Такер Дикая Флетчер

К. А. Tucker

THE SIMPLE WILD

Печатается с разрешения Atria Books, a division of Simon & Schuster Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © 2018 Kathleen Tucker

© Л. Войтикова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Лиш и Сэди,
Лучшие вещи в вашей жизни не появятся просто так.
Они всегда будут иметь свою цену.
Но, в идеале (ради меня), они никак не будут связаны с маленькими
самолетами*

Пролог

*15 ноября, 1993
Анкоридж, Аляска*

Рен ставит два темно-синих чемодана рядом с коляской, затем прикуривает сигарету, шатко сидящую между его губами, и делает долгую, медленную затяжку. Он выпускает дым в холодный воздух.

– Только эти?

– И сумка с пеленками.

Я вдыхаю мускусный запах. Всегда ненавидела табачную вонь. И до сих пор ненавижу, за исключением тех случаев, когда она исходит от Рена.

– Точно. Пойду схожу за ней, – говорит он, бросая окурок на заснеженную землю и раздавливая его ботинком.

Рен дышит на свои сжатые вместе мозолистые ладони, пока спешит, сторбив плечи, обратно на площадку, где «Цессна»¹, доставившая нас сюда, ожидает часового перелета домой.

Я молча наблюдаю за происходящим, ежась на ледяном ветру в своем плюшевом, набитом пухом пальто, и яростно сдерживаю обиду, которую вынашиваю уже несколько месяцев. Если я перестану это делать, меня быстро захлестнет боль разочарования и предстоящей потери, и я не смогу пройти через то, что мне предстоит.

Рен возвращается и ставит увесистую красную сумку на асфальт как раз в тот момент, когда за моими вещами подбегает носильщик. Они обмениваются любезностями, будто это обычная доставка пассажиров, прежде чем носильщик уносит мои вещи.

Мы остаемся в напряженном молчании.

– Итак, во сколько ты прилетаешь? – наконец спрашивает Рен, почесывая неизменную коричневую щетину на подбородке.

– Завтра в полдень. По времени Торонто.

---

¹ Американский легкий самолет, выпускаемый одноименной компанией.

Я молюсь, чтобы Калла выдержала десять часов пути. Хотя ее срыв мог бы отвлечь меня от своего собственного. По крайней мере, следующий самолет будет солидным, в отличие от тех крошечных штук, на которых настаивает Рен. Боже, как я вообще могла подумать, что выйти замуж за убежденного пилота легких воздушных судов – хорошая идея?

Рен кивает сам себе, а затем берет нашу сонную дочь из коляски на руки.

– А ты? Готова к своему первому путешествию на большом самолете?

От его широкой улыбки, обращенной к дочери, у меня замирает сердце.

В сотый раз я задаюсь вопросом, не поступаю ли как эгоистка. Должна ли я стиснуть зубы и терпеть страдания, изоляцию Аляски? В конце концов, я сама застелила постель, из которой теперь бегу. Мой отец не преминул напомнить мне об этом, когда я призналась родителям, что жизнь с Реном не так романтична, как я себя убеждала. Когда поняла, что за последний год плакала по меньшей мере раз в день, особенно во времена мучительно долгой, холодной, темной зимы, когда мало дневного света. И что я ненавижу жить в последнем великом американском фронтире; что жажду быть ближе к семье и друзьям, к городской суете моего детства. К моей собственной стране.

На лбу Рена появляется глубокая морщина, когда он целует в нос нашу счастливую, забывчивую семнадцатимесячную малышку и ставит ее на землю. Она с трудом передвигается, ее коренастое тельце обтянуто толстым розовым зимним комбинезоном, который защищает от ледяного ветра.

– Ты же знаешь, что не обязана улетать, Сьюзан.

Так же быстро, как размякла, я снова затвердела.

– И что? Остаться здесь и быть несчастной? Сидеть дома с Каллой под лампой дневного света и ждать тебя, пока ты рискуешь жизнью ради кучки незнакомцев? Я больше так не могу, Рен. Каждый день тяжелее предыдущего.

Сначала я думала, что это послеродовая депрессия, но после месяцев полетов туда-сюда в Анкоридж только для того, чтобы поговорить с психотерапевтом и получить рецепт на антидепрессанты, которые делали меня вялой и не больше, я смирилась с тем, что гормоны тут ни при чем. А я-то, выросшая в Торонто, наивно полагала, что зимы на Аляске можно пережить. Что брак с любовью всей моей жизни перевесит любые трудности, в том числе трудности наличия мужа, чьи шансы умереть на работе в любой день тревожно высоки. Что моего обожания этого человека – и притяжения между нами – будет достаточно, чтобы преодолеть все, что Аляска взвалит на меня.

Рен засовывает руки в карманы своего пухового жилета в темно-синюю клетку и сосредотачивает внимание на огромном зеленом помпоне, украшающем вязаную шапочку Каллы.

– Ты хотя бы рассматривал возможность прилететь на Рождество? – осмеливаюсь спросить я, делая последнюю попытку.

– Я не могу взять столько отгулов, ты же знаешь.

– Рен, ты владелец компании!

Я вскидываю руку в сторону самолета, на котором Рен привез нас в Анкоридж, к логотипу «Дикая Аляска» на корпусе. И есть множество других самолетов с такой же эмблемой. Все они относятся к семейному бизнесу Флетчеров – чартерной компании, оставленной Рену после смерти его отца пять лет назад.

– Ты можешь делать все что захочешь!

– Люди рассчитывают, что я буду здесь.

– Я твоя жена! Я тоже рассчитываю на тебя! Мы рассчитываем на тебя!

Мой голос срывается от эмоций.

Рен вздыхает и разглаживает морщины на лбу.

– Мы не можем продолжать ходить по кругу. Ты знала, когда выходила за меня замуж, что мой дом – Аляска. Ты не можешь сейчас просто передумать и ожидать, что я брошу всю свою жизнь.

Горячие слезы обжигают мои щеки. Я яростно смахиваю их прочь.

– А как же моя жизнь? Неужели в этих отношениях я единственная, кто готов чем-то жертвовать?

Я точно не планировала влюбляться в американского чартерного пилота, когда была в Ванкувере на девичнике, но я влюбилась, и с тех пор все заботы о наших отношениях легли на меня. Я стремилась к этому с безрассудным рвением безумно влюбленной женщины. Переехала через всю страну в Британскую Колумбию и поступила на программу обучения садоводству, чтобы стать ближе к Аляске. А затем, когда я узнала, что беременна, то бросила учебу и переехала в родной город Рена, чтобы мы могли пожениться и вместе растить нашего ребенка. Только вот большинство дней я чувствовала себя матерью-одиночкой, потому что Рен всегда в этом чертовом аэропорту, или в воздухе, или строит планы, связанные с этим.

А с чем остаюсь я? Остывший ужин, младенец, который постоянно просит: «Па-па», и эта негостеприимная субарктическая почва, на которой мне повезло вырастить сорняки. Я просто продолжала отдавать этому человеку все, не понимая, что теряю сама себя в процессе.

Рен смотрит мимо меня, наблюдая за грузовым самолетом, взлетающим из близлежащего международного аэропорта. Похоже, он отчаянно хочет вернуться в воздух, подальше от этой бесконечной борьбы.

– Я хочу, чтобы ты была счастлива. Если возвращение в Торонто – это то, что тебе нужно, я не собираюсь тебя останавливать.

Рен прав, мы не можем продолжать в том же духе, особенно если он не хочет ничем жертвовать, чтобы удержать меня рядом. Но как он может вот так просто отпустить нас? Когда я сообщила, что у меня билет в один конец, он лишь хмыкнул. Но, опять же, я не должна была удивляться. Выражение чувств никогда не было одной из сильных сторон Рена. Однако чтобы он вот так просто прилетел сюда и поставил наши вещи на эту холодную, твердую землю...

Может, Рен не любит нас достаточно сильно.

Я надеюсь, что моя мама права и несколько месяцев без жены, которая готовит ему еду и греет постель, приведут к изменению его мировоззрения. Он поймет, что может летать на самолетах куда угодно, включая Торонто.

Он поймет, что не хочет жить без нас.

Я делаю глубокий вдох.

– Я должна идти.

Рен смотрит на меня острыми серыми глазами, теми самыми, что пленили меня четыре года назад. Если бы я знала, сколько душевной боли причинит мне этот суровый красавец, который сел рядом со мной в баре и заказал бутылку «Будвайзера».

– Итак, думаю, увидимся, когда ты будешь готова вернуться домой.

В его голосе слышится редкая хрипотца, и это почти разрушает мою решимость.

Но я цепляюсь за одно слово, которое придает мне силы: «дом».

Вот и все: Аляска никогда не станет моим домом. Либо Рен действительно не видит этого, либо просто не хочет видеть.

Я сглатываю болезненный ком в горле.

– Калла, попрощайся с папой.

– Пока-пока, па-па.

Она сжимает ручку в варежке и одаривает папу зубастой ухмылкой.

Очевидно, что она счастлива, пока сердце ее матери разбивается.

Глава 1

26 июля, 2018

Этот калькулятор не мой.

Я горько улыбаюсь, просматривая содержимое картонной коробки – зубная щетка, зубная паста, спортивная одежда, пачка салфеток, супербольшой флакон «Адвила»², косметичка с четырьмя губными помадами, лак для волос, щетка и шесть пар обуви, которые я держала под своим рабочим столом, – и обращаю внимание на дорогой настольный калькулятор. Я убедила своего менеджера, что он мне нужен, только в прошлом месяце. Сотрудник службы безопасности, которому было поручено убрать личные вещи с моего рабочего места, пока я была занята увольнением, очевидно, принял его за мою собственность. Возможно, потому что сверху несмываемым черным маркером на нем было нацарапано «Калла Флетчер» – попытка защиты от кражи со стороны моих хитрых коллег.

За этот калькулятор заплатил банк, но к черту их – оставляю его себе.

Я держусь за крошечный кусочек удовлетворения, которое дает мне это решение, пока вагон метрополитена пронесется по туннелю линии Йонг и я смотрю мимо своего отражения в стекле в темноту. Я отчаянно пытаюсь игнорировать колючку, застрявшую в моем горле.

В это время суток в Транспортной комиссии Торонто так тихо и просторно, что я даже смогла выбрать место. Не могу вспомнить, когда такое было в последний раз. Почти четыре года я втискивалась в забитые вагоны и задерживала дыхание от смешения запахов тел и постоянной толкотни, пока ехала на работу и с работы в адские часы пик.

Но сегодня я еду домой по-другому.

Сегодня я только вытряхнула и закончила смаковать последние капли латте из «Старбакса» – огромный стакан – и нажала кнопку сохранить в утренних файлах в Excel, когда в моем почтовом ящике появилось сообщение от босса с просьбой спуститься в зал Алгонкин. Я не стала долго раздумывать, схватила банан и блокнот и поплелась в небольшой конференц-зал на втором этаже.

---

² Противовоспалительное и жаропонижающее средство.

Там я обнаружила не только своего начальника, но и его начальника, и Соню Фуэнтес из отдела кадров, которая держала между распухшими руками толстый манильский конверт с нацарапанным на нем моим именем.

Я села напротив них и тупо слушала, пока они по очереди произносили подготовленную речь: банк недавно внедрил новую систему, которая автоматизировала многие задачи в моей области аналитика по рискам, поэтому моя должность была ликвидирована; я образцовый сотрудник, и это ни в коей мере не является отражением моей работы; компания окажет мне всестороннюю поддержку во время «переходного периода».

Возможно, я единственный человек в истории, который съел целый банан, пока терял работу.

«Переход» должен был начаться немедленно. То есть мне не разрешили вернуться к своему столу, собрать вещи или попрощаться с коллегами. Меня должны были проводить к стойке охраны, как преступницу, и передать мои вещи в коробке, а затем указать на выход. Стандартный протокол, когда увольняют сотрудников банка, по-видимому.

Четыре года я возилась с электронными таблицами до боли в глазах, целовала задницы самолюбивых трейдеров в надежде, что смогу рассчитывать на доброе слово при повышении, задерживалась допоздна, чтобы подменить других аналитиков по рискам, планировала мероприятия по тимбилдингу, не включающие в себя поношенные ботинки для боулинга и шведские столы с глутаматом натрия, и вот так просто все это обесценилось. После одной импровизированной пятнадцатиминутной встречи я официально стала безработной.

Я знала, что грядет внедрение автоматизированной системы. Я знала, что будут сокращать число аналитиков по рискам и перераспределять работу.

Но я по глупости убедилась, что я слишком ценна, чтобы оказаться среди уволенных. Сколько еще голов упало сегодня?

Неужели только моя?

Боже мой. Что, если я единственная, кто потерял работу?

Я смаргиваю угрожающе нахлынувший поток слез, но несколькими все же удается вырваться. Быстрым движением я достаю из коробки салфетки и компактное зеркальце и начинаю аккуратно промокивать глаза, чтобы не размазать макияж.

Поезд метро останавливается с толчком, и несколько пассажиров входят в вагон, рассеиваясь внутри, как уличные кошки, чтобы занять место подальше от других. Все, кроме грузного мужчины в сапфиново-синей униформе. Он выбирает вишнево-красное сиденье наискосок от моего.

Я отвожу колени в сторону, чтобы они не терлись о бедро мужчины. Он поднимает смятый экземпляр журнала *NOW*³, который кто-то бросил на сиденье рядом с ним, и начинает обмахиваться им, испустив тяжелый вздох с запахом пастрами.

– Может, мне стоит просто побыть здесь, внизу, где прохладно. Там, снаружи, при такой влажности, будет просто ужас, – бормочет он, ни к кому конкретно не обращаясь. Он вытирает ладонью бисеринки пота, стекающие вниз по лбу, кажется, не замечая исходящего от меня раздражения.

Я делаю вид, что не слышу его, потому что ни один здравомыслящий человек не ведет пустых разговоров в метро, и достаю телефон, чтобы перечитать сообщения, которыми мы с Кори обменялись ранее, когда я стояла в оцепенении на Фронт-стрит, пытаюсь осмыслить произошедшее.

«Меня только что уволили».

«Черт. Мне жаль».

«Мы можем встретиться за чашечкой кофе?»

---

³ Бесплатная альтернативная еженедельная газета и онлайн-издание в Торонто.

«Не могу. Завален. Весь день с клиентами».

«Вечером?»

«Посмотрим. Позвонить тебе позже?»

Знак вопроса в конце говорит о том, что сейчас Кори не готов даже сделать быстрый телефонный звонок, чтобы успокоить свою девушку. Конечно, я знаю, что в последнее время он перегружен. Рекламное агентство, в котором Кори работает, заставляет его вкалывать круглые сутки, чтобы попытаться угодить их самому крупному и самому непокорному корпоративному клиенту, и Кори должен провести эту кампанию, возможно, тогда у него появится хоть малейшая надежда получить повышение, которого он добивается почти два года. За последние три недели я видела Кори всего два раза. Я не должна удивляться, что он не может просто бросить все и встретиться со мной.

Тем не менее мое разочарование разбухает.

– Знаешь, в такие дни мне хотелось бы быть женщиной. Вы, девушки, можете обойтись гораздо меньшим количеством одежды.

На этот раз потный мужчина обращается ко мне. И смотрит прямо на меня, на голые ноги, которые открыла его взору моя черная юбка-карандаш.

Я бросаю на него ровный взгляд, затем сжимаю бедра вместе и отодвигаюсь подальше, позволяя своим длинным волосам цвета корицы прикрыть часть лица.

Наконец, мужчина улавливает мое настроение.

– О, у вас был один из тех дней. – Он указывает на коробку с вещами на моих коленях. – Не волнуйтесь, вы не одиноки. За годы я видел немало людей, которые вот так выходили из офисных зданий.

На вид ему около пятидесяти лет, в его курчавых волосах больше седины, чем темного цвета, и они почти не растут на макушке. При беглом взгляде на его рубашку я замечаю ярлык с надписью «Уборщики Уильямсона». Он, должно быть, работает на одну из тех клининговых компаний, которые компании вроде моей нанимают по контракту. Я видела, когда работала допоздна, как эти уборщики неторопливо толкают свои тележки вдоль проходов в кабинки, стараясь не мешать сотрудникам во время опорожнения мусорных корзин.

– Я уволилась, – вру я, закрывая коробку крышкой, пряча ее от любопытных глаз. Рана, нанесенная моей гордости, еще слишком свежа, чтобы говорить об этом с совершенно незнакомыми людьми.

Мужчина улыбается так, словно мне не верит.

– Так чем ты занимаешься?

– Риск-аналитик в банке.

Почему я все еще ублажаю потребность этого человека в разговоре?

Он кивает, как будто точно знает, что это такое. Если бы вы спросили меня, что это такое, четыре года назад, когда я получала диплом в Университете Торонто, я бы не смогла вам ответить. Но я все равно обрадовалась, когда поступило предложение о работе. Это был мой первый шаг в качестве молодой женщины-специалиста, нижняя ступенька корпоративной лестницы в центре Торонто. Полуприличная зарплата с льготами и пенсией, работа в крупном банке. Множество галочек в графе «хорошая карьера», особенно для двадцатидвухлетней женщины, только что окончившей учебу и имеющей хорошие способности к математике.

Вскоре я поняла, что работа аналитиком рисков сводится к тому, чтобы вводить в ячейки электронных таблиц цифры и следить за тем, чтобы формулы выдавали именно те ответы, которые тебе нужны. Это просто мартышкин труд. Честно говоря, по большей части мне было скучно.

– Так почему же ты тогда уволилась?

– Я не увольнялась, – наконец признаюсь я с дрожащим вздохом. – Ну, знаете, реструктуризация.

– О, да. Я хорошо это знаю. – Мужчина делает паузу, пристально изучая меня. – Но тебе нравилась эта работа?

– А кто-нибудь вообще любит свою работу?

– Ты слишком молода, чтобы быть такой циничной. – Он усмехается. – Тебе хотя бы нравились люди, с которыми ты работала?

Я думаю о своей группе. Марк, мой микроманипулирующий босс с хроническим запахом кофе изо рта, который назначает встречи только для того, чтобы подтвердить свои намерения, и отмечает минуту, когда ты уходишь на обед, и минуту, когда ты возвращаешься за свой стол; и Тара, одержимый тип А, у которой нет жизни вне работы и которая проводит свои выходные, отправляя длинные письма с предложениями по улучшению процесса с заголовками «Срочно! Требуются действия», чтобы в понедельник утром они первым делом попали во все почтовые ящики. Радж и Аднан довольно милые, хотя они никогда не присоединялись выпить после работы и не могли услышать от меня простое «Доброе утро, как дела?» без того, чтобы не покраснеть. А еще есть Мэй, которая сидит через одну кабинку, она никогда не отправляет ежедневные отчеты вовремя и ест квашенную капусту за своим столом, несмотря на то, что корпоративная политика запрещает приносить в офис сильно пахнущие продукты. Мне приходится покидать свой стол или десять минут давиться рвотными позывами.

Каждый.

Проклятый.

День.

– Не очень, – признаю я.

Честно говоря, я не могу вспомнить, когда в последний раз мне не приходилось вытаскивать себя из постели или не смотреть на часы во время рабочего дня. Я любила ощущение, которое возникало каждый вечер, когда я выключала компьютер и хватала пальто.

– Может, тогда быть уволенной – это хорошо. – Мужчина ухмыляется.

– Да. Может быть.

Приближается станция «Дэвисвилл». Со вздохом облегчения, что я могу закончить этот разговор не нагрубив, соскальзываю со своего места. Балансируя с громоздкой коробкой в одной руке, я крепко держусь за перекладину и жду, когда вагон остановится.

– Я бы не стал слишком беспокоиться об этом. Ты молода. – Мужчина поднимается с сиденья, когда вагон резко останавливается. – Эти работы – на каждом шагу. Через пару недель ты уже будешь работать в другом банке.

Он просто пытается заставить меня почувствовать себя лучше. Я одариваю его натянутой, но вежливой улыбкой.

Двери открываются, и я выхожу на платформу.

Мужчина навязчиво идет рядом.

– Знаешь, я был на твоём месте пятнадцать лет назад, когда тащил свой ящик с вещами из офиса в центре Торонто. Конечно, это был большой удар по моему самолюбию, но это был и пинок под зад. Я решил взять выходное пособие и открыть клининговый бизнес вместе со своими братьями. Никогда бы не подумал, что это станет моим призванием, но оказалось, что это лучшее, что когда-либо случалось со мной. И я бы не хотел заниматься чем-то другим, даже в самые плохие дни. – Он подмигивает и машет свернутой газетой. – Это судьба. Тебя ждут большие и лучшие дела впереди, красавица. Я чувствую это.

Я стою на платформе, обнимая свою картонную коробку, и смотрю, как восторженный уборщик идет к выходу. Он насвистывает, по пути засовывая бумагу в корзину для мусора, как будто его действительно устраивает жизнь, состоящая из чистки туалетов и мытья полов.

Может быть, он прав. Может быть, потеря работы сегодня окажется лучшим, что когда-либо могло со мной случиться.

Встряхнув головой, я иду к выходу. Я успеваю сделать три шага, прежде чем дно моей коробки проваливается, рассыпая вещи по грязному бетону.

* * *

Моя кожа покрыта тонким слоем пота, когда я поднимаюсь по каменной дорожке к нашему дому, расположенному в десяти минутах ходьбы от станции. Мы с мамой живем здесь последние пятнадцать лет с моим отчимом Саймоном, который купил этот дом по цене ниже рыночной у своих стареющих родителей за несколько лет до того, как встретил мою маму. Это была разумная инвестиция с его стороны, поскольку стоимость домов в Торонто продолжает стремительно расти. Нам регулярно звонят агенты по недвижимости, которые ищут возможность продать большой трехэтажный викторианский дом, облицованный коричневым кирпичом и удачно расположенный на большом угловом участке. Он был полностью обновлен за эти годы. Последняя экспертиза оценила дом в два с лишним миллиона.

Уже почти полдень. Все, что я хочу сделать, это принять долгий горячий душ, пока плачу, а затем заползти в кровать и прятаться от людей – доброжелательных или любых других, – пока не наступит завтра.

Я уже почти дохожу до наших ступенек, когда боковой вход, ведущий в психиатрическую клинику Саймона, распаивается, и оттуда, рыдая, выскакивает невзрачная женщина средних лет в плохо сидящем на ней черном брючном костюме. Наши взгляды пересекаются на долю секунды, после чего она опускает голову и бежит мимо меня к зеленому «Крайслер-Неону».

Она, должно быть, пациентка. Полагаю, ее прием прошел не очень хорошо. А может, он был удачным. Саймон всегда говорит, что настоящие прорывы не приходят легко. В любом случае приятно осознавать, что я не единственная, у кого дерьмовый день.

Зайдя в дом, я отшвыриваю туфли и позволяю испорченной коробке упасть на пол, радуясь, что наконец-то избавилась от нее. Две мои сорокадолларовые помады разбились о бетонную платформу, а левая кроссовка – из совершенно новой дорожной пары – все еще валяется рядом с рельсами метро. Я ненадолго задумывалась над тем, чтобы спуститься вниз и достать ее, но потом представила себе заголовок: «Отчаявшийся аналитик по рискам прыгает навстречу смерти», и решила, что это не тот повод, по которому я хочу попасть в новости.

– Кто там? – зовет мама из кухни.

Я подавляю стон, откидывая голову назад. Черт. Точно, сегодня четверг. По четвергам она не уходит в цветочный магазин раньше двух.

– Всего лишь я.

Пол из твердой древесины скрипит, когда мама приближается. Ее розовая юбка с запахом легко струится вокруг лодыжек при каждом шаге.

Следом идет Саймон – в своем обычном клетчатом жилете, рубашке на пуговицах и плиссированных брюках цвета хаки. Неважно, насколько жарко на улице, здесь он поддерживает прохладу.

Я подавляю второй стон. Я ожидала, что он будет дома – он почти всегда дома, – но я надеялась, что он будет занят следующим пациентом и не услышит, как я вошла.

– Что ты здесь делаешь? – Мама хмурится, переводя взгляд с моего лица на коробку на полу. – Что это?

Саймон позади нее выглядит не менее обеспокоенным.

Я вынужденно пересказываю им мое ужасное утро, передав конверт с деталями выходного пособия, и комок в горле разбухает, пока я говорю. До сих пор я все делала хорошо, но мне с трудом удается сдерживать слезы.

– О, милая! Мне так жаль!

Мама одаривает Саймона выразительным взглядом, и я точно знаю почему. Лучший друг Саймона, Майк, – вице-президент банка. Я получила эту работу благодаря ему. Интересно, знал ли Майк о том, что я нахожусь на грани увольнения? Предупредил ли он Саймона? Знал ли Саймон, как сложится мой день, когда я опускала тарелки после завтрака в посудомоечную машину и махала ему на прощание сегодня утром?

Саймон уже надел очки для чтения, чтобы просмотреть документы на выходное пособие.

Тем временем мама обнимает меня и начинает гладить рукой мои волосы, как она делала, когда я была маленькой и нуждалась в утешении. Это почти комично, учитывая, что я выше ее на восемь сантиметров.

– Не волнуйся. Это случается со всеми нами.

– Нет, не случается. Ни с кем из вас такого не случилось!

Саймон постоянно жалуется, что у него больше пациентов, чем часов в сутках для их лечения, а мама владеет успешным цветочным магазином на улице Йонг последние одиннадцать лет.

– Ну, нет, но... это случилось с твоим дедушкой и братом Саймона, Норманом. И с обоими соседями, не забудь о них! – Она пытается подобрать примеры.

– Да, но им всем было около сорока! А мне всего двадцать шесть!

Мама бросает на меня возмущенный взгляд, но затем мелкие морщинки на ее лбу углубляются, и она хмурится.

– Кто еще потерял работу?

– Я не знаю. Я больше никого не видела у стойки охраны.

Сидят ли остальные члены моей команды за своими столами и шепчутся ли обо мне в этот самый момент? Видели ли они, как все произошло?

Мама ласково поглаживают мои плечи изящными руками.

– Ну, этим местом явно управляет кучка идиотов, если они отпустили своего лучшего и самого перспективного сотрудника.

Еще один взгляд, брошенный в сторону Саймона, предназначенный Майку.

Конечно, я ожидала, что она так скажет. Она же моя мама. И все-таки... от этого мне становится немного легче.

Я прислоняю голову к ее плечу, находя утешение в тонком аромате цветочных духов и мягкости ее гладкого золотисто-коричневого боба длиной до подбородка, пока мы молча наблюдаем, как Саймон просматривает бумаги, и ожидаем вердикт.

– Четыре месяца зарплаты с пособиями... переподготовка в агентстве по трудоустройству... выглядит вполне стандартно, – говорит Саймон с очаровательным британским акцентом в духе Хью Гранта, который все еще сохраняется даже после тридцати с лишним лет жизни в Канаде. – Ты в хорошей позиции. Тебе не нужно беспокоиться об аренде или ипотеке. Твои счета минимальны. – Он сдвигает очки на макушку своей редющей седой головы и устремляет на меня пронизательный взгляд голубых глаз. – Но как ты себя чувствуешь из-за этого?

Саймон очень любит спрашивать меня о том, как я себя чувствую, особенно когда знает, что я не хочу об этом говорить. Он психиатр и не может не подвергать психоанализу всех и вся. Мама говорит, что так он учит меня всегда спокойно выражать эмоции. Он делает это с самого первого дня нашего знакомства. Когда мне было восемь лет, он спросил меня, что я чувствую при мысли о том, что у моей мамы есть парень.

– Я чувствую, что мне нужно побыть одной.

Он кивает в знак понимания.

– Совершенно верно.

Я забираю свое выходное пособие и направляюсь к лестнице.

– Сюзан? Разве нет чего-то еще, о чем ты должна упомянуть? – слышу я его шепот.

– Не сейчас! – шипит она в ответ.

Когда я оглядываюсь, эти двое общаются с помощью переглядываний, вздергивания бровей и укоризненных взглядов. Они частенько делают так. Это забавно... когда не имеет никакого отношения ко мне.

– Что происходит?

Мама натянуто улыбается и отвечает легким голосом:

– Ничего страшного. Мы можем поговорить об этом позже, когда у тебя все уляжется.

Я вздыхаю.

– Просто скажи мне.

Наконец мама сдается.

– Сегодня был звонок. – Она колеблется. – С Аляски.

Беспокойство поселяется в моем позвоночнике. Я знаю только одного человека на Аляске, и я не разговаривала с ним двенадцать лет.

– Чего он хочет?

– Я не знаю. Я не успела подойти к телефону, и он не оставил сообщения.

– Значит, ничего.

Мамины насупленные брови говорят мне, что она не считает это пустяком. Даже когда мы общались, мой отец никогда не был тем, кто прикладывал усилия, чтобы вычислить разницу во времени и снять трубку, чтобы сказать «привет».

– Может, тебе стоит ему позвонить?

– Завтра. – Я продолжаю подниматься по лестнице. – Я не могу выдержать столько разочарований за один день.

А мой отец доставил их уже столько, что мне хватит на всю жизнь.

Глава 2

– Уходишь?

Саймон смотрит на часы. Он не может понять, в чем смысл выходить из дома в одиннадцать вечера, чтобы встретиться с друзьями, но ему пятьдесят шесть лет, и сам он редко выбирается куда-то, если только моя мать не заставит его. В понятии Саймона развлечение – это налить себе бокал хереса и досмотреть последний документальный фильм Би-би-си.

– Я хочу развеяться.

Саймон смотрит на меня поверх очков, быстро, по-отечески оценивая мой наряд, прежде чем перевести взгляд обратно на свою книгу. Для сегодняшнего вечера я выбрала свое самое короткое, облегающее черное платье и туфли на самых высоких каблуках. В любой другой ситуации такое сочетание считалось бы достойным эскорта, но в знойный июльский четверг на Ричмонд-стрит это почти стандартная униформа.

Саймон редко комментирует мой выбор одежды, и я благодарна ему за это. Бог знает, какой смысл он мог бы найти в сегодняшнем ансамбле. Попытка усилить это после того, как моя гордость была уязвлена? Может быть, жажда любви и внимания? Глубоко засевшие проблемы с отцом?

– С обычными подозреваемыми?

– Нет. Они все в отъезде. Сегодня вечером только Диана.

И, я уверена, Аарон. Он не может находиться в клубе один слишком долго. Моя лучшая подруга потребует устроить девичник, а потом сделает вид, будто это чистое совпадение, что появился ее парень, хотя я видела, как за полчаса до этого она написала ему, где мы находимся.

– Не Кори?

– Он работает допоздна, – бормочу я, не в силах скрыть раздражение.

Но он хотя бы хочет встретиться в субботу. Чтобы мы могли «снять стресс», – так говорится в его последнем сообщении. Это означает «потрахать». Обычно такие сообщения меня не беспокоят. Но сегодня все по-другому. Сегодня оно меня нервирует. Тот факт, что мой парень не может уделить даже десяти минут, чтобы позвонить и убедиться, что со мной все в порядке после того, как меня уволили, тревожит все больше. Когда Кори стал настолько сосредоточен на своей карьере, на стремлении к повышению, что я оказалась на втором месте?

И почему я не заметила этого раньше?

Рот Саймона кривится в недовольную гримасу.

– Я видел фотографию в мусорке. Ту, на которой вы вдвоем прошлым летом.

– Она повредилась, когда развалилась коробка.

– Это хороший снимок.

– Ага.

Он был сделан в июне прошлого года в коттедже моей подруги Талии на озере Джо, в том самом коттедже, где мы с Кори встретились за месяц до этого, когда он гостил во время длинных майских выходных у друга, жившего в трех домах от нас. Мы пересеклись на байдарках в субботу рано утром, в тихой части обычно оживленного озера, где медленно плыли друг рядом с другом и обменивались любезностями, типа «это будет отличный денек!». Мое внимание привлекли его шелковистые белокурые локоны, а завораживающая улыбка и легкий смех подогрели интерес. Я взволновалась еще больше, когда узнала, что он живет возле Хай-Парка и работает всего в восьми минутах ходьбы от моего офиса.

К тому времени, когда мы бок о бок погребли обратно к своим берегам, мы договорились встретиться за обедом. А когда костер той ночью догорал в котловане во дворе Талии, мы уже игриво размазывали тающий зефир по губам друг друга.

На фотографии мы сидим на груде скалистых серых камней, торчащих из озера. На заднем плане возвышаются столетние сосны. Длинные, долгоязыые руки Кори обхватывают мои плечи, и мы широко улыбаемся, полностью очарованные друг другом. Так было раньше – когда мы виделись по крайней мере четыре раза в неделю, когда все наши планы строились с учетом расписания друг друга, когда Кори отвечал на мои сообщения пошлыми остротами в течение тридцати секунд после того, как я клацала «отправить», когда он каждую неделю заказывал цветы в цветочном магазине моей мамы и просил ее оставить их у моей прикроватной тумбочки, что почти мгновенно укрепило ее обожание к нему. В те времена, когда мне приходилось отталкивать его, хихикая, пока он срывал последний поцелуй, независимо от того, кто смотрел.

Но в какой-то момент все изменилось. Цветы больше не приходят каждую неделю, ответы на СМС иногда занимают несколько часов. А поцелуи становятся лишь прелюдией к чему-то большему.

Может быть, нам просто стало комфортно в этих отношениях.

Может быть, слишком комфортно.

Может быть, нам с Кори нужно сесть и поговорить.

Я откладываю эту мысль на потом.

– Я всегда могу распечатать еще один.

Саймон снова смотрит на меня, на его узком лице заметно легкое беспокойство. Он тоже обожает Кори, возможно, даже больше, чем моя мама. С другой стороны, они всегда радушно принимали моих парней, и за эти годы через нашу парадную дверь их прошло немало.

Тем не менее Кори было полюбить легче всех. Он интеллигентный, учтивый и непри-
нужденный. Уголки его мягких орехово-зеленых глаз морщатся от смеха, и он мастер уделять людям безраздельное внимание. Ему не все равно, что о нем думают другие, но в хорошем смысле, в том смысле, что он держит язык за зубами, даже когда сердится, чтобы не сказать того, о чем потом пожалеет. Он всегда относился ко мне хорошо, никогда не жаловался, когда я вручала ему свою сумочку, чтобы освободить руки, придерживал дверь, чтобы я могла войти, предлагал постоять в переполненных барах, чтобы принести мне напиток. Настоящий джентльмен. И он сексуальный.

Какие родители не хотели бы, чтобы их дочь была с таким парнем, как Кори?

И почему, пока я стою здесь и мысленно перебираю лучшие качества Кори, мне кажется, что я убеждаю себя в них?

- Ну... Смотрите за своими напитками и держитесь вместе, – бормочет Саймон.
- Обязательно. Поцелуй за меня маму на ночь.

Свадебный сезон в самом разгаре, и она уже крепко спит. Ей нужен отдых перед ранним утренним подъемом, чтобы закончить работу над букетами невест в эти выходные.

Я успеваю дойти до входной двери, прежде чем меня окликают Саймон.

- Не забудь вынести мусор к обочине.

Моя голова откидывается назад со стоном.

- Я сделаю это, когда вернусь домой.

– В три часа ночи? – беспечно спрашивает он. Прекрасно зная, что последнее, что я буду делать, спотыкаясь и поднимаясь по ступенькам в три часа ночи, – это тащить на обочину контейнеры для мусора, вторсырья и компоста.

Я открываю рот, собираясь упросить отчима сделать это за меня, только в этот раз...

– Выносить мусор раз в неделю в качестве твоего единственного вклада в это хозяйство, по-моему, хорошая замена оплаты аренды и коммунальных услуг, согласна?

- Да, – бормочу я.

Потому что это правда. Два раза в неделю к нам приходит домработница, чтобы убрать и запустить стирку. Мама еженедельно привозит нам продукты и готовые обеды из органической, зерновой, безгормональной, безглютеновой, безмолочной кухни, так что мне редко приходится ходить по магазинам или готовить. И я всегда складываю свои блузки и платья в стопку, которую Саймон отдает в химчистку, когда его жилеты и плиссированные брюки нуждаются в чистке.

Я двадцатилетняя женщина без долгов, которая последние четыре года живет за счет своих родителей, несмотря на приличную зарплату, и никто из них не жалуется, потому что им нравится, что я здесь, а мне нравится образ жизни, который я могу себе позволить, живя дома. Поэтому да, самое меньшее, что я могу сделать, это раз в неделю выносить наш «мусор».

Но это не мешает мне добавить:

- Ты просто заставляешь меня делать это, потому что сам ненавидишь этим заниматься.

– А почему, по-твоему, мы так долго тебя держим? – спрашивает он, когда я захопываю за собой входную дверь.

* * *

- Встретимся там.

Колеса компостного бака грохочут по асфальту, пока я тащу его одной рукой к обочине, мимо маминой «Ауди» и «Мерседеса» Саймона, прижимая к уху телефон. Наш дом – один из немногих на этой улице – имеет собственную подъездную дорожку, причем достаточно большую, чтобы вместить три машины. Большинство наших соседей вынуждены бороться за парковку на улице, что становится особенно проблематично зимой, когда приходится соперничать не только с другими машинами, но и с полутораметровыми снежными сугробами.

– Мы никуда не попадем, если ты не поторопишься! – Диана перекрикивает толпу шумных людей, в ее голосе слышна паника.

– Расслабься. Куда-нибудь мы попадем, как мы делаем это каждый раз, когда куда-нибудь выходим.

Куда-нибудь, где мы сможем пофлиртовать со швейцарцами или в худшем случае сунуть им несколько купюр, чтобы они позволили нам миновать очередь, которую они сами и создали, чтобы их клуб выглядел популярным. Между тем внутри это города-призраки.

Но у двух привлекательных молодых женщин есть свои преимущества, и я планирую воспользоваться ими сегодня вечером. Как бы паршиво я себя ни чувствовала внутри, я компенсировала это, приложив дополнительные усилия снаружи.

– Мой «Убер» уже в пути. Просто выбери место и напиши мне. Увидимся минут через пятнадцать.

Скорее через двадцать пять, но Диана бросит меня, если я скажу ей об этом. Положив телефон с сумочкой на капот машины Саймона, я тащу мусорный бак к обочине, стараясь не сломать ноготь. Затем возвращаюсь, чтобы захватить серый контейнер для мусора.

За долю секунды до того, как что-то мягкое касается моей ноги, краем глаза я улавливаю движение. Я отпрыгиваю с испуганным вскриком, теряю равновесие и, споткнувшись о бордюр, приземляюсь на задницу рядом с особенно колючим кустом роз. Мимо меня проскакивает огромный енот. За ним быстро следует второй, злобно шикая на меня.

– Проклятье!

Удар был жестким, и я, вероятно, заработала синяк, но сейчас больше всего беспокоит десятисантиметровый каблук, лежащий рядом с моей ногой, отломанный от основания. Я снимаю испорченный лубутен и со всей силы бросаю его в енотов. Но они уже благополучно устроились под машиной и теперь наблюдают за мной, а поток света с крыльца отражается от их глаз-бусинок.

Входная дверь открывается, и появляется Саймон.

– Калла, ты еще здесь?

Он видит меня, растянувшуюся на земле в саду, и хмурится.

– Тим и Сид вернулись, – бормочу я.

Эта парочка перестала появляться в прошлом месяце, после того как большую часть года исправно посещала наш дом по вечерам каждого четверга. Я предполагала, что они либо нашли другую семью для терроризирования, либо их сбила машина.

– У меня было предчувствие, что они вернуться. – Отчим протягивает телефонную трубку. – С Аляски.

Я качаю головой и произношу одними губами: «Меня нет дома», – хотя уже слишком поздно.

Кустистые брови Саймона изгибаются дугой, он ждет, вытянув руку. Он все равно никогда бы меня не прикрыл. Психиатр в нем верит в то, что проблемам нужно смотреть в лицо, а не избегать их.

И моя самая большая проблема, по словам Саймона, это мои отношения с Реном Флетчером. Или отсутствие таковых, потому что я почти не знаю этого человека. Я думала, что знаю его, когда набирала его номер и слушала его голос, представляя себе комнату, дом и человека на другой стороне. Конечно, я знала, как выглядит мой настоящий отец. Мама показывала мне его фотографии: мужчина с растрепанными волосами цвета арахисового масла и мягкими серыми глазами, в сине-черной клетчатой куртке и джинсах в середине августа, гордо стоит возле ряда самолетов. Мама назвала его суровым красавцем, и я каким-то образом поняла, что она имела в виду, не осознавая этого в своем юном возрасте.

Иногда папа не отвечал, и я оставалась потерянной весь день. Но в других случаях, когда мне везло, я заставляла его только пришедшим или уже уходящим. Мы разговаривали минут пятнадцать или около того, о школе, о моих друзьях или о занятиях, которыми я увлекалась в то время. Говорила в основном я, но я почти не замечала этого, с удовольствием болтая. Мама говорит, что папа никогда не был болтуном.

Еще она сказала, что мы никогда не будем жить вместе как семья. Что жизнь моего отца на Аляске, а наша – в Торонто, и от этой реальности никуда не деться. Я рано научилась принимать этот факт. Я не знала ничего другого. Тем не менее я всегда просила папу прилететь навестить меня. Ведь у него были все эти самолеты, так почему же он просто не мог сесть в один из них и прилететь?

У него всегда находилось оправдание, а мама никогда не пыталась его уговорить.

Она знала лучше.

А я? Я видела его только очарованными глазами маленькой девочки, которая отчаянно хотела познакомиться с тихим мужчиной по ту сторону телефона.

Я поднимаюсь и отряхиваю грязь сзади. Затем ковыляю к парадным ступенькам в одной туфле, глядя на моего всегда понимающего и терпеливого отчима.

В конце концов я беру телефон из его рук.

– Алло.

– Алло. Калла? – спрашивает женщина.

Я хмуро смотрю на Саймона.

– Да. Кто это?

– Меня зовут Агнес. Я подруга твоего отца. Я нашла твой номер среди вещей Рена.

– Хорошо...

Внутри меня зажигается неожиданная искра страха. Почему эта женщина рылась в его вещах?

– С ним что-то случилось?

– Наверное, можно и так сказать. – Агнес делает паузу, и я задерживаю дыхание, боясь ответа. – У твоего отца рак легких.

– О.

Я сажусь на верхнюю ступеньку, внезапно ощутив шаткость в ногах. Саймон опускается на ступеньку рядом со мной.

– Я знаю, что в последнее время между вами были сложные отношения, но я подумала, что ты захочешь быть в курсе.

Сложные? Скорее, несуществующие.

Наступает долгая пауза.

– Я знаю только потому, что нашла копию результатов теста в его кармане, когда пошла стирать белье. Он не знает, что я звоню тебе.

Я слышу то, что она не говорит: «Он не собирался говорить мне, что у него рак».

– Так... насколько все плохо?

– Я не уверена, но врачи рекомендовали план лечения.

У нее блеющий голос и легкий акцент, который напоминает мне голос моего отца, из того, что я о нем помню.

Я не знаю, что еще сказать, кроме:

– Ладно. Ну... Я уверена, что врачи знают, что делают. Спасибо, что позвонили и дали мне знать...

– Почему бы тебе не приехать сюда в гости?

Моя челюсть отпадает.

– Сюда? Что, вы имеете в виду... на Аляску?

– Да. В ближайшее время. До того, как начнется лечение. Мы оплатим твой билет, если это потребуется. Сейчас разгар сезона, но я нашла свободное место в Анкоридж на это воскресенье.

– В это воскресенье?

То есть через три дня?

– Джона может подбросить тебя оставшуюся часть пути.

– Простите, кто такой Джона?

Моя голова кружится.

– О. – Смех Агнес мягко и мелодично звенит в моем ухе. – Извини. Он наш лучший пилот. Он позаботится о том, чтобы ты добралась сюда в целости и сохранности.

«Наш» лучший пилот, отмечаю я. «Мы» заплатим за твой билет. Она назвалась подругой, но я понимаю, что с отцом их связывает нечто большее.

– И Рен будет рад тебя видеть.

Я колеблюсь.

– Он сказал вам это?

– Ему и не нужно это говорить. – Она вздыхает. – Твой отец... он сложный человек, но он любит тебя. И у него много сожалений.

Может быть, эта Агнес и смирилась со всем тем, что Рен Флетчер не говорит и не делает, но я – нет.

– Мне жаль. Я не могу просто запрыгнуть на самолет и прилететь на Аляску...

Мои слова расходятся с делом. По правде говоря, сейчас у меня нет ни работы, ни других серьезных обязательств. А что касается Кори... Я, вероятно, могу слетать на Аляску и вернуться, и он никогда не узнает об этом.

Я легко могла бы улететь, но это уже неважно.

– Я знаю, что прошу многого. Пожалуйста, подумай об этом. У тебя будет шанс узнать Рена. Я думаю, он бы тебе очень понравился. – Ее голос становится хриплым, и она прочищает горло. – У тебя есть что-нибудь, чем можно писать?

– Э-э-э... Да.

Я достаю ручку из нагрудного кармана рубашки Саймона – у него всегда есть ручка наготове – и записываю номер телефона Агнес на тыльной стороне его руки, хотя, скорее всего, он уже отображается на дисплее вызова. Агнес также дает мне адрес своей электронной почты.

Когда я кладу трубку, то замираю в оцепенении.

– У него рак.

– Я догадался, что речь идет от чем-то таком. – Саймон кладет руку мне на плечо и притягивает меня к себе. – И эта женщина, которая звонила, хочет, чтобы ты навестила его.

– Агнес. Да. Она предлагает навестить его. Но отец не хочет, чтобы я была там. Он даже не собирался мне ничего говорить. Он собирался просто пойти и умереть, не предупредив меня.

Мой голос ломается. Этот человек, которого я даже не знаю, все еще ранит меня так глубоко.

– И что ты при этом чувствуешь?

– Как ты думаешь, что я чувствую?! – Я срываюсь, а на моих глазах выступают слезы.

Саймон остается спокойным и собранным. Он привык, что на него кричат за его назойливые вопросы – моя мама и я, а еще его пациенты.

– Ты хочешь полететь на Аляску, чтобы встретиться со своим отцом?

– Нет.

Саймон приподнимает бровь.

Я вздыхаю с отчаянием.

– Я не знаю!

Что мне делать с этой информацией? Как я должна чувствовать себя из-за возможной потери человека, который причинял мне только боль?

Мы сидим тихо и наблюдаем, как Тим и Сид вылезают из-под машины, их горбы подрагивают от шагов, пока они направляются к мусорным бакам в конце нашей подъездной дорожки. Потом еноты встают на задние лапы, чтобы ударить передними по синему баку, пытаясь опрокинуть его своим весом. Они перекидываются репликами туда-сюда, лишь изредка бросая взгляды на нас.

Я вздыхаю.

– Он никогда не прилагал усилий, чтобы узнать меня получше. Почему я должна прилагать усилия сейчас?

– Может быть, потому что это лучшее время?

В этом весь Саймон. Всегда отвечает на вопрос другим вопросом.

– Позволь мне спросить тебя вот о чем: как ты думаешь, ты сможешь получить что-нибудь от поездки на Аляску?

– Кроме фотографии с маминым донором спермы?

Саймон корчит неодобрительную гримасу в ответ на мою неудачную шутку.

– Извини, – бормочу я. – Наверное, у меня просто низкие ожидания от человека, который за двадцать четыре года не позаботился о том, чтобы хоть раз встретиться со своей дочерью.

Он должен был приехать в Торонто. Он позвонил мне за четыре месяца до моего выпускного в восьмом классе и сказал, что приедет на него. Я начала плакать, как только повесила трубку. Весь гнев и обида, которые копились годами, за все дни рождения и праздники, которые отец пропустил, мгновенно рассосались. И я искренне верила, что он будет там, что он будет сидеть в зале с гордой ухмылкой на лице. Я верила в это до тех пор, пока папа не позвонил за два дня до церемонии и не сказал, что «что-то» случилось. Чрезвычайное происшествие на работе. Он не стал уточнять.

Мама перезвонила ему. Я слышала ее гневный голос сквозь стены. Я слышала ультиматум, который она предъявила сквозь слезы: либо он определится со своими приоритетами и наконец-то приедет к своей дочери, либо навсегда покинет нашу жизнь, ежемесячные чеки на алименты и все такое.

Он так и не приехал.

И я принимала академическую награду на сцене с опухшими глазами, вымученной улыбкой и молчаливым обещанием самой себе, что я никогда больше не доверюсь отцу.

Саймон колеблется, его мудрые глаза вглядываются в темноту.

– Знаешь ли ты, что твоя мать все еще любила Рена, когда мы поженились?

– Что? Нет, она не любила его.

– Любила. Очень сильно.

Я хмурюсь.

– Но она была замужем за тобой.

– Это не значит, что она уже не любила его. – Его взгляд становится задумчивым. – Ты помнишь, как она проходила через этот этап, когда она изменила прическу и начала заниматься спортом почти каждый день? Она была очень раздражительна со мной.

– Смутно, но да.

Она перекрасила волосы в платиновый блонд и начала одержимо ходить на йогу, обращая вспять смягчающие эффекты среднего возраста и снова делая свое тело твердым. Она бросала Саймону мелкие шпильки между глотками утреннего кофе, придиралась к его недостаткам во время обеда и устраивала колоссальные ссоры из-за всего, чего он не сделал к ужину.

Помню, я думала, что это странно, что я никогда не видела, чтобы они вообще ссорились, тем более так часто.

– Все началось после того, как позвонил Рен и сказал, что приезжает.

– Нет, было не так, – начинаю возражать я, но останавливаю себя. Саймон разбирается в этой хронологии гораздо лучше меня.

– Когда твоя мать оставила Рена, она сделала это в надежде, что он передумает оставаться на Аляске. Он так и не изменил своего решения, но она не перестала любить его, несмотря на это. В итоге она поняла, что должна жить дальше. Она встретила меня, и мы поженились. А потом Рен вдруг собрался приехать сюда, вернуться в ее жизнь. Она не знала, как справиться с тем, чтобы снова увидеть его после стольких лет. Она была... противоречива в своих чувствах к нам обоим.

Если Саймону и горько признавать это, он этого не показывает.

– Это, наверное, было тяжело для тебя.

Мое сердце болит за человека, которого я узнала и полюбила как более чем подходящую замену моему биологическому отцу.

Саймон грустно улыбается.

– Так и было. Но после твоего выпуска я заметил в ней перемену. Она стала менее тревожной. И перестала плакать.

– Она плакала?

– По ночам, когда думала, что я сплю. Не часто, но все же достаточно регулярно. Полагаю, это было чувство вины за то, что она не смогла его забыть. И страх из-за того, что встреча с ним может разрушить наш тогда еще совсем молодой брак.

На что именно намекает Саймон?

Он поджимает свои тонкие губы, вытирая линзы очков для чтения о манжету рукава.

– Я думаю, твоя мама наконец-то смирилась с тем, что ни у кого из вас никогда не будет с Реем тех отношений, которых вы так жаждали. Что желание, чтобы кто-то был тем, кем он не является, не поможет этому случиться. – Саймон колеблется. – Я эгоистично признаю, что не был так уж несчастен из-за того, что он не приехал. Если бы Рен был готов отказаться от своего дома, мой брак с твоей матерью распался бы. – Саймон поигрывает золотым обручальным кольцом на безымянном пальце. – Я всегда буду играть вторую скрипку при этом человеке. Я понял это в тот день, когда попросил Сьюзан стать моей женой.

– Но зачем же ты тогда женился на ней?

Как бы я ни была рада, что Саймон сделал это как ради мамы, так и ради меня, это кажется странным заявлением.

– Потому что пока Сьюзан была безумно влюблена в Рена, я был безумно влюблен в нее. И до сих пор люблю.

Это я знаю. Я видела это в каждом продолжительном взгляде, в каждом мимолетном поцелуе. Саймон глубоко любит мою мать. На их свадьбе мой дедушка произнес, мягко говоря, неуместную речь, прокомментировав, что эти двое – маловероятная пара, что моя мать – энергичная и импульсивная женщина, а Саймон – спокойная и практичная старая душа.

«Неожиданная пара, но он точно сделает ее намного счастливее, чем тот, предыдущий», – именно так и сказал мой дедушка в микрофон в комнате с сотней гостей.

Но старик, вероятно, был прав, потому что Саймон души не чает в моей матери, исполняя все ее прихоти и желания. Они отдыхают на дорогих тропических курортах по программе «все включено», хотя Саймон предпочел бы посещать пыльные церкви и древние библиотеки; он – ее выучный мул, когда она решает, что ей нужен новый гардероб, и таскает бесчисленные сумки по улицам Йорквилля; он подшучивает над ее любовью к воскресным поездкам на сельские рынки, а потом возвращается домой, чихая от дюжины аллергенов, что мучают его; он отказался от глютена и красного мяса, потому что мама решила, что не хочет их есть. Когда мы перedelывали дом, мама выбрала палитру из мягких серых и бледно-лиловых тонов. Позже Саймон признался мне, что презирает не так много вещей, и, как ни странно, сиреневый цвет – одна из них.

В прошлом я молча высмеивала этого нескладного англичанина за то, что он никогда ничего не диктовал моей матери и не проявлял характер. Но сейчас, когда я смотрю на его узкое доброе лицо – его тонкие как перышки волосы на лбу давно поредели, – я не могу не восхищаться им за все то, что он вытерпел, пока любил ее.

– Она когда-нибудь признавалась тебе в своих чувствах? – осмеливаюсь спросить я.

– Нет, – усмехается Саймон, низко нахмутив брови. – Она никогда не признается мне в таком, и не стоит с ней даже спорить. Это только вызовет чувство вины, которое никому из нас не поможет.

– Верно. – Я вздыхаю. – Итак, стоит ли мне поехать на Аляску?

– Я не знаю. А тебе стоит?

Я закатываю глаза.

– Почему ты не можешь побыть нормальным родителем и хоть раз сказать мне, что делать?

Саймон ухмыляется: он втайне рад, что я назвала его родителем. Хотя он всегда говорил, что видит во мне свою дочь, я думаю, он был бы счастлив иметь собственных детей, если бы моя мать захотела.

– Позволь мне спросить: какой была твоя первая мысль, когда Агнес сказала, что у твоего отца рак?

– Что он умрет.

– И что ты почувствовала при этой мысли?

– Страх. – Я понимаю, к чему клонит Саймон. – Страх, что я упущу свой шанс встретиться с ним.

Потому что, сколько бы раз я ни лежала в постели, задаваясь вопросом, почему мой отец не любит меня достаточно сильно, маленькая девочка внутри меня все еще отчаянно хочет, чтобы он меня любил.

– Тогда, я думаю, тебе стоит поехать на Аляску. Задать вопросы, которые тебе нужно задать, и узнать Рена получше. Не для него, а для себя. Чтобы в будущем ты не оказалась во власти глубоких сожалений. Кроме того... – Саймон толкает меня плечом. – Я не вижу других неотложных дел в твоей жизни прямо сейчас.

– Забавно, как получилось, а? – шепчу я, думая о сегодняшнем болтливом уборщике в метро. – Наверное, это судьба.

Саймон одаривает меня безразличным взглядом, и я смеюсь. Он не верит в судьбу. Он даже не верит в астрологию. Он считает, что люди, которые следят за своими гороскопами, имеют глубоко засевающие проблемы.

Я вздыхаю.

– Не похоже, что он живет в цивилизованной части Аляски.

Не то чтобы я запомнила какую-то часть Аляски за то короткое время, что там провела, – хорошую или нет. Но мама использовала слова «бесплодная пустошь» достаточно часто, чтобы отвлечь меня от этого места. Хотя она склонна драматизировать. К тому же мама любительница городов. Она не может провести в Мускоке больше одной ночи и каждые пятнадцать минут мажетса средством от комаров, а еще постоянно напоминает всем о риске подхватить лихорадку Западного Нила.

– Я подумаю об этом.

Я мысленно начинаю перестраивать свое расписание. И охаю. Если я улечу в воскресенье, то пропущу визит к парикмахеру на следующей неделе. Может, мне удастся упрямить Фаусто втиснуть меня в субботу утром? Очень маловероятно. Обычно он забронирован на месяц вперед. К счастью, у меня есть постоянная запись на маникюр по субботам во второй половине дня, а в прошлые выходные я сделала ресницы.

– Я только что оплатила наперед десять сеансов горячей йоги. И что насчет сквоша? Маме придется найти партнера на замену.

– Все это тебе удалось уладить, когда ты ездила в прошлом году в Канкун.

– Да... Наверное, – неохотно признаю я. – Но Аляска находится в миллионе часов отсюда.

– Только в полумиллионе, – говорит Саймон.

– Может, ты хотя бы дашь мне сценарий для...

– Нет.

Я преувеличенно вздыхаю.

– Что за удовольствие тогда иметь отчима с папкой предписаний?

Мой телефон, лежащий на капоте машины Саймона, начинает звонить.

– Черт, это Диана. Она где-то в очереди, мысленно колотит меня. – Как по сигналу, к обочине перед домом подъезжает черный «Ниссан Максима». – А это мой «Убер». – Я смотрю на свой отсутствующий каблук и испачканное платье. – И мне нужно переодеться.

Саймон спускается со ступеньки и направляется к ожидающему его мусорному баку.

– Полагаю, сегодня я могу убрать мусор за тебя. Только в этот раз. В конце концов, у тебя был тот еще день.

Он идет, смешно шаркая, что заставляет Тима и Сида броситься к живой изгороди, а затем с трудом ставит контейнер на место. При всем том, что делает Саймона привлекательным, он не отличается ни координацией, ни силой. Мама пыталась и потерпела неудачу, пытаясь затащить его в спортзал, чтобы нарастить немного мышц на его тонких руках.

Меня осеняет мысль.

– Что ты будешь делать с мусорным днем, если я уеду на Аляску?

– Ну, разумеется, твоя мама позаботится об этом. – Саймон выжидает немного, прежде чем обернуться, чтобы встретить мою недоверчивую ухмылку, и бормочет в своей сухой британской манере: – Это был чертовски холодный день в аду, не так ли?

Глава 3

– Ты обязана поехать! – Диана перекрикивает пульсирующий бас, прерываясь на достаточно долгое время, чтобы сверкнуть жемчужно-белой улыбкой бармену, пока он ставит наш заказ на барную стойку. – Там очень красиво.

– Ты никогда не была на Аляске!

– Ну да, но я видела «В диких условиях»⁴. Вся эта природа и горы... Просто не ешь ягоды.

Она демонстративно кладет десятидолларовые чаевые так, чтобы бармен это заметил. Уловка для приоритетного обслуживания в следующем раунде.

Тем временем взгляд бармена занят тем, что шарит по глубокому вырезу моего кобальтово-синего платья – первого, что я вытащила из шкафа, спеша переодеться и поскорее выскочить за дверь. Он симпатичный, но невысокий и мускулистый, с бритой головой и полным рукавом чернил – не мой высокий и худой, чисто выбритый тип без татуировок, – и, кроме того, я не в настроении флиртовать в обмен на бесплатную выпивку.

Я одариваю его натянутой улыбкой, а затем снова обращаюсь к Диане:

– На западе Аляски все не так.

– Выпьем.

Мы опрокидываем наши шоты одновременно.

– На что она похожа?

Тошнотворно сладкий коктейль заставляет меня слегка поморщиться.

– Плоская.

– Что ты имеешь в виду? Плоская, как прерии?

– Нет. То есть да, там, наверное, все такое же плоское, но там очень холодно. Типа, арктически холодно.

В то время как в наших провинциях на Среднем Западе сосредоточено подавляющее большинство сельскохозяйственных угодий страны, там, откуда родом мой отец, ничего не выращивают – слишком короткий посевной сезон. Во всяком случае, так утверждает моя мама,

---

⁴ Американский фильм о парне, который в одиночку отправился на Аляску.

а она имеет степень бакалавра по растениеводству в Университете Гуэлфа. Если кто-то и знает об этом, то, наверное, она.

– Арктически? – Васильково-голубые глаза Дианы расширяются от оживления. – Серьезно, подумай, как удивительно это может быть для «Каллы и Ди». Ты же сама сказала, что нам пора найти оригинальный ракурс. Ты сказала, что нам нужно выбраться из города.

– Я больше думала о поездке в Сандбанкс или на озеро Бэйс. Новые красивые и живописные места, до которых мы сможем добраться за несколько часов на машине.

– Что может быть оригинальнее и загороднее, чем блогер, пишущий о жизни в Арктике? – Матовые губы Дианы цвета сирени кривятся в обнадеживающей улыбке, а в ее голове, несомненно, крутится паутина идей.

В прошлом году мы создали небольшой сайт под названием «Калла и Ди», чтобы делиться нашей страстью к новейшим оттенкам помады и моделям обуви, просто для развлечения. Когда Диана попросила меня разделить расходы на веб-дизайнера, я должна была догадаться, что у нее уже есть амбициозные цели и что у этого хобби вырастут собственные ноги.

Теперь мы целыми днями обмениваемся сообщениями о сайте – идеями для будущих постов и распределением обязанностей, что, похоже, работает. Вместо обычного тематического блога у нас появились разделы – мода, еда, красота, развлечения – и строгий еженедельный график, которого нужно придерживаться. Во время поездок на работу и обеденного перерыва я просматривала информационные рассылки и статьи в блогах, чтобы быть в курсе последних событий – объявлений о распродажах розничных магазинов, последних тенденций лидеров индустрии моды, жизни других блогеров, с которыми мы подружились в интернете во имя общения. Вечерами я обновляю ссылки, загружаю контент, подстраиваю оформление – задачи, которые Диана ненавидит, но против которых я не возражаю и с которыми на самом деле хорошо справляюсь.

Каждый четверг вечером мы с Дианой встречаемся в новом ресторане, чтобы обменяться идеями и протестировать меню закусок для нашей рубрики «Выпас в городе». Одну субботу в месяц мы проводим в поисках модной одежды для себя, а каждое воскресенье днем охотимся за идеальной атмосферой в центре Торонто – красочными граффити в переулках, весенним цветением вишни в Хай-Парке, живописной рождественской ярмаркой в районе Дистиллери. Мы берем с собой дорогой «Кэннон» Саймона, меняемся симпатичными нарядами на заднем сиденье «Тахо» Дианы и по очереди делаем вид, что не позируем перед камерой. Я узнала гораздо больше о линии визирования, выдержке и правиле трех, чем когда-либо ожидала узнать, и все это ради того, чтобы сделать идеальный снимок образа жизни – красивые наряды на скамейках в парке и на улицах города, с размытым фоном и вдохновляющими подписями о любви, счастье и духовности.

Мы постоянно оказываемся втянутыми в разговор на тему «что, если». Что, если мы наберем сто тысяч подписчиков? Что, если компании начнут присылать нам образцы одежды и косметики для рекламы, чтобы нам больше не приходилось тратить на это половину своей зарплаты? Что, если мы станем знаменитыми в инстаграме⁵?

Для меня это просто грезы.

Для Дианы это цель.

Но нам предстоит пройти долгий путь, прежде чем мы попадем в списки «лучших из», и в последнее время я все чаще опасаюсь, что все наши усилия были напрасны. После года напряженной работы мы имеем разочаровывающе скромный список из почти четырехсот постоянных посетителей нашего сайта. У наших отдельных профилей в инстаграме – двух половинок «Каллы и Ди» – их больше. У Дианы втрое больше, чем у меня, что неудивительно, учитывая,

---

⁵ Здесь и далее: деятельность метаплатформы Meta Platforms Inc. и ее соцсетей Facebook и Instagram запрещена на территории РФ.

что она одержима изучением последних советов и рекомендаций экспертов по привлечению аудитории, курированию фотографий и соответствующим тега; о том, как составлять подписи, чтобы они поднимали настроение и вдохновляли. Она отвечает на все комментарии к своим постам и тратит обеденный перерыв на общение с незнакомыми людьми, надеясь привлечь их внимание и получить подписку.

Тем не менее, даже несмотря на все усилия и решимость Дианы, мы все еще не можем набрать обороты. Сейчас это не более чем хобби на сорок часов в неделю, поиск идей для рубрик «как сделать» и «топ-десять», которые не были сделаны ранее и которые люди могли бы захотеть прочитать.

Моя интуиция подсказывает, что нам не хватает ключевого ингредиента – оригинальности. Сейчас мы просто две привлекательные городские девушки, которые любят позировать и разговаривать о макияже и одежде. Таких море.

– Это не совсем Арктика. Во всяком случае, не там, где он живет. Это... где-то посередине между Арктикой и нормальной цивилизацией. Это как... последний фронт? – Я повторяю то, что когда-то прочла об Аляске, безмолвно признавая, как мало знаю о месте, где родилась.

– Даже лучше! И в твоём распоряжении будет куча самолетов!

– Я сомневаюсь, что они будут «в моем распоряжении». И я буду одна. Как я сделаю хорошие снимки?

Мы дружно содрогаясь при мысли о селфи-палке.

Однако Диану это не останавливает:

– Кто-нибудь там захочет сфотографировать красивую канадскую девушку. Может быть, горячий американский пилот.

Я вздыхаю.

– Ты уже забыла, зачем я вообще еду?

– Нет. Я просто... – Лицо Дианы становится серьезным, ее идеально уложенные светлые брови взерошены. – Не хочу, чтобы твоя поездка звучала так депрессивно.

Мы забираем свои мартини и спокойно выходим из-за стойки. Наши места мгновенно занимают люди из толпы. Диана не преувеличивает. Этот клуб, должно быть, коллекционирует нарушения правил пожарной безопасности; я нигде не могу встать без того, чтобы меня не толкали минимум с двух сторон в любой момент времени.

Я отпиваю большой глоток мартини, пока мы пробираемся сквозь бурлящую толпу, отмахиваясь от мужчин, которые хватают меня за руку и щиплют за бока в наглых попытках привлечь мое внимание, и надеюсь, что я ничего не пролью во всей этой кутерьме и толкучке.

Наконец мы втискиваемся в небольшое свободное пространство возле колонны.

– Итак, где Кори сегодня вечером? – спрашивает Диана.

– Работает.

– Хм... – Ее нос едва заметно сморщивается, будто в воздухе витает легкий, но неприятный запах, и она изо всех сил старается притвориться, что не чувствует его.

Я думаю, Диана может оказаться единственным человеком на земле, которому не нравится Кори. Потребовалось пять месяцев и шесть порций маргариты в глубинах мексиканского ресторанчика, чтобы моя лучшая подруга наконец призналась мне в этом. «Он слишком стареется понравиться», – сказала она. И он нетерпелив. И то, как он смотрит на нее, когда она говорит, похоже на флирт; ей от этого не по себе. Она просто не верит, что он не разобьет мне сердце.

Сказать, что мне было неприятно такое слышать, это сильно преуменьшить. Я заявила Диане, что она завидует, что у меня кто-то есть, а у нее нет. В тот вечер мы расстались на плохой ноте, и на следующий день я проснулась с пульсирующей от алкоголя головой и болью в сердце от страха, что нашей дружбе был нанесен непоправимый ущерб.

Саймон быстро отговорил меня от этой мысли, как это мог сделать только он, указав на все случаи, когда Диана была рядом со мной на протяжении многих лет, и всех парней, что были у меня, даже когда у нее не было ни одного, и что если она и завидовала, то, скорее всего, потому что чувствовала, что ее значимость в моей жизни находится под угрозой, а это нормальное явление для лучших подруг в нашем возрасте.

Диана и я помирились в тот же день, после обильных слез и извинений, и она пообещала, что даст Кори еще один шанс. К счастью, спустя несколько месяцев появился Аарон, и я прочно опустилась на вторую ступеньку. Я не жалею, хоть я и никогда раньше не видела Диану такой счастливой или чтобы она так серьезно относилась к парню. Буквально две недели назад она упомянула о покупке квартиры с Аароном в следующем году. Похоже, она наконец-то перестанет донимать меня просьбами переехать к ней. Я люблю свою лучшую подругу, но она опустошает баки с горячей водой своими долгими душами, чистит все разьедающим кожу отбеливателем, а еще любит стричь ногти на ногах во время просмотра телевизора. А если она не может заснуть? Никто не спит.

Повеселись, живя со всем этим, Аарон.

– Итак, когда ты едешь? – спрашивает Диана. Ее взгляд мечется туда-сюда, осматривая толпу, даже когда она разговаривает со мной.

Чем раньше, тем лучше, если мой отец собирается начать химиотерапию, или облучение, или что там рекомендуют врачи. До него единственным человеком с раком легких, которого я когда-либо знала, была миссис Хаглер, старушка, жившая в доме позади нас. Она была давней подругой родителей Саймона, и у нее не осталось родных, поэтому Саймон иногда подвозил ее в больницу на химиотерапию. Это продолжалось несколько лет, пока она не сдалась. Ближе к концу миссис Хаглер проводила много времени, сидя на заднем дворе в вязаной шапке, прикрывавшей ее редкий пух, и попыхивая сигаретой, в то время как кислородный баллон стоял всего в полуметре от нее. К этому моменту она уже смирилась с тем, что будет дальше.

– Подруга моего отца сказала, что есть свободное место на воскресенье, так что... Я думаю, может, тогда? Если оно не окажется занято до завтра. Она сказала, что купит билет, но я не хочу лететь туда за ее счет. Я имею в виду, что, если это окажется ужасной идеей и я захочу вернуться, как только приеду?

– Ты будешь чувствовать, что обязана остаться, – соглашается Диана. Она делает глоток из своего бокала и кривится. Эту порцию бармен намешал очень крепкой. – Пусть папочка Уорбак⁶ купит тебе билет из своей секретной записки. Мы все знаем, что мозгоправ хорош для этого.

Диана убеждена, что у Саймона есть тайное хранилище под нашим столетним домом и он проводит ночи за описью горы золотых монет.

Но несмотря на то, что он делает большие деньги на хрупких психиках, маловероятно, что он когда-нибудь сможет накопить такое богатство, учитывая тягу моей матери к изысканным вещам. В этом отношении она даже хуже меня.

– Но давай серьезно, Калла, Саймон прав. Если ты не поедешь и твой отец не справится, ты будешь жалеть об этом. Я тебя знаю.

И она знает лучше, чем кто-либо другой. Мы с Дианой стали лучшими подругами с тех пор, как я начала учиться в частной школе, расположенной в нескольких кварталах от нашего дома. Мне было одиннадцать лет, и я не знала ни одной живой души в этом новом месте. На перемене Диана покрасила мои ногти в синий цвет яйца малиновки. Это по-прежнему мой любимый цвет. Она знает все о моем отце и о той душевной боли, которую он мне причинил. Она также знает все незаданные вопросы, на которые я до сих пор ищу ответы.

---

⁶ Вымышленный персонаж из комикса «Маленькая сирота Энни», известный тем, что был влюблен в свою падчерицу и всячески предлагал ей свою поддержку.

В первую очередь, почему «Дикая Аляска» важнее для Рена Флетчера, чем его собственная плоть и кровь?

Тем не менее встреча с ним кажется огромным риском. Я не уверена, что у меня хватит смелости на такое.

– А что, если он просто отец-неудачник?

– Тогда ты раз и навсегда узнаешь, что он – отец-неудачник. – Диана замолкает. – А может быть, он на самом деле хороший парень и есть другая его сторона, которую ты узнаешь и полюбишь.

– Да, наверное, – с сомнением отвечаю я. Меня терзает иное, более мрачное беспокойство. – Но что, если ему не станет лучше? Это будет все равно что потерять его снова, только на этот раз не просто в мыслях.

– Зато у тебя появится что-то настоящее, за что можно держаться. Слушай, мы можем играть в эту игру «что, если» все лето, или ты можешь получить ответы. О, привет! – Диана машет кому-то позади меня.

Мгновение спустя – сюрприз, сюрприз! – влетает Аарон.

Я отвожу взгляд, пока они с Дианой обмениваются долгим, достойным киноэкрана поцелуем, и во мне вспыхивает раздражение. Обычно мне было бы все равно, но сегодня после тяжелого дня мне нужно безраздельное внимание моей лучшей подруги, хотя бы на этот раз.

– Слышал о работе, Кэлли. Это отстой.

При росте метр восемьдесят четыре, Аарон возвышается надо мной, даже если я на каблуках. Мне приходится откинуть голову, чтобы встретиться с его чернильно-синими глазами.

– Это так. Но разве это не всего лишь работа, верно? – Забавно, что теперь, когда я отвлеклась на отца, эта фраза дается мне легче.

– Хотела бы я, чтобы меня уволили с зарплатой за четыре месяца, – сетует Диана.

Она работает помощником юриста в юридической фирме среднего размера и ненавидит каждую секунду этой работы, что, как я полагаю, и стало одной из причин, по которой она вкладывает столько энергии в наш побочный проект.

– Мой приятель – хедхантер для банков. Он сразу же устроит тебя на новую работу, – предлагает Аарон.

– Спасибо, – вздыхаю я, отгоняя мрачное настроение. – Кстати, отличная борода.

Аарон проводит ладонью по тщательно подстриженным лакично-черным волосам, покрывающим его челюсть.

– Держится неплохо, а?

– Да, – соглашаюсь я, любясь четкими линиями. – Где ты только нашел настолько талантливого барбера?

– Это была барберетта вообще-то. – Он ухмыляется. – Горячая штучка барберетта...

– Перестань приставать к моей лучшей подруге. И придумывать слова. – Диана бросает на него строгий взгляд, но затем подмигивает.

Два месяца назад Диана решила, что нам нужно написать статью под названием «Преврати своего парня в городского джентльмена». Для блага всего женского рода, настаивала она. Или, по крайней мере, для девушки привлекательного, но волосатого и неухоженного официанта, который угощал нас большим количеством вина и спанакопитой в греческом ресторане на авеню Данфорт.

Поэтому Диана пригласила Аарона стать нашим подопытным кроликом для живой демонстрации. Будучи благосклонным парнем, Аарон с его детским лицом обходился без бритвы, пожаловавшись всего сто раз. Но он удивил нас – и самого себя – тем, что сумел отрастить довольно толстый слой волос.

Ни Диана, ни я никогда раньше не брили мужское лицо, но опыта работы с машинками для стрижки у меня оказалось побольше, поскольку в старших классах школы я работала

волонтером в приюте для животных и провела целый семестр, украшая потрепанных псов, чтобы повысить их шансы на усыновление. Поэтому мы решили, что с этой задачей я справлюсь. В процессе подготовки я просмотрела десятки уроков на «Ютубе». А в прошлые выходные, под пристальным взглядом камеры айфона Дианы, преобразила потрепанную растительность Аарона до статуса бороды, достойной модели на обложке журнала.

Аарон наконец-то стал похож на двадцативосьмилетнего мужчину, а не на восемнадцатилетнего парня.

Диана тянется вверх, чтобы провести изящными пальцами по его челюсти.

– Это был самый популярный пост, который мы когда-либо делали. Все эти жаждущие самки...

Эти жаждущие самки, а еще тот факт, что компания, инструменты которой купила Диана, разместила наше видео в своих социальных сетях после того, как мы отметили бренд. У меня в ушах звенело еще добрых полчаса после того, как подруга позвонила мне, истерически визжа.

Аарон ухмыляется, получая от Дианы очередное закатывание глаз. Он прочел все комментарии к этому посту, и его это греет в лучах славы.

– Я надеялся, что Калла сможет освежить эту...

– Нет. – Диана бросает на него испытующий взгляд.

– Но она уже сделала это один раз...

– Для «Каллы и Ди». Но это все. Это слишком интимно. Правда, Калла?

– Наверное? – Мы с Аароном хмуримся. – Я имею в виду, мне так не показалось, но.

– Кроме того, она собирается на Аляску в воскресенье.

– Я еще не решила, – начинаю протестовать я, но Диана уже наклонилась к уху Аарона, чтобы повторить телефонный звонок от Агнес.

Я смотрю, как меняется его лицо.

– Мне жаль, Калла. Боже, у тебя был дерьмовый день.

– Выпьем за это! – поднимаю я свой martini.

– Ну... мой друг ездил на Аляску несколько лет назад и до сих пор восторгается ею. Я уверен, что это будет незабываемо, даже если причина этого отстой.

– Ты знал, что Калла родилась на Аляске? Да, ее отец владеет чертовой авиакомпанией!

– Это скорее компания чартерных самолетов. – *Я так думаю?*

– Ага, и там сотни самолетов!

– Возможно, пара дюжин небольших самолетов, – предполагаю я, потому что понятия не имею, а в последний раз, когда я пробовала поискать отца в интернете, я нашла только список каталогов и домашнюю страницу «Дикой Аляски», на которой было написано «проверьте позже».

– Она собирается заставить пилотов своего отца летать за ней повсюду, чтобы сделать крутые снимки для сайта.

– Потрясно. – Аарон указывает на мой наполовину допитый martini. – Дамы, я принесу вам еще по бокалу.

Несмотря на то что он никогда не говорил об этом ни слова, я уверена, что он был бы счастлив не слышать, как Диана говорит о «Калле и Ди» хотя бы один вечер.

Украдкой поцеловав ее губы – потому что он всегда целует Диану, когда отходит от нее, как это делал когда-то и Кори, – Аарон пробирается сквозь толпу к бару.

– Мне чертовски нравится этот клуб! – кричит Диана, покачивая плечами в такт музыке.

Количество «чертовски», которые она озвучивает, прямо пропорционально количеству выпитого. Должно быть, она начинает чувствовать алкоголь. Я знаю, что это так.

– Правда? Я просто подумала, что это уже немного приелось.

Я потягиваю напиток и позволяю своему взгляду блуждать по толпе, размышляя о том, сколько людей сюда набилось. Пять сотен? Тысяча? Сложно сказать. Раньше, переступая порог

этих дверей, я чувствовала прилив сил. Музыка вибрировала в моих конечностях, а вокруг было море танцующих, пьющих, смеющихся, целующихся людей.

Я не чувствую этого порыва сейчас. Вероятно, это из-за паршивого дня, но сегодняшний диджей как будто без огонька. Его подборка похожа на ту, что была на прошлой неделе. На самом деле я готова поспорить, что это подборка прошлой недели. И недели ранее. И недели, предшествующей той. Сомневаюсь, что у меня вообще есть желание танцевать.

– Эй. – Диана подталкивает меня локтем, ее брови призывно вздергиваются. – Арабский поклонник на три часа.

Я поворачиваюсь направо и вижу высокого черноволосого парня, стоящего в двух метрах от меня с группой друзей, его почти черный взгляд устремлен на меня, его ухмылка заигрывает.

Из моих губ вырывается «вау», а в животе порхают бабочки. Он привлекателен и хорошо сложен. Не мой обычный тип, но он настолько привлекателен, что может понравиться любой девушке. Бог знает, как долго он присматривался ко мне, ждал, когда я поймаю его взгляд, надеялся на ответную улыбку, взмах ресниц, подмигивание... что угодно, что дало бы ему зеленый свет.

Готова поспорить, что голос у него глубокий. Готова поспорить, что его кожа пахнет цитрусовыми и перечным одеколоном и ему приходится бриться дважды в день, чтобы сохранять челюсть гладкой. Готова поспорить, что ему нравится стоять в личном пространстве девушки, когда он с ней разговаривает – не настолько близко, чтобы теснить ее, но достаточно, чтобы она почувствовала намек на близость, жажду прикосновения. А еще бьюсь об заклад, что он никогда не выходит из клуба один, но всегда – с радостью – просыпается в одиночестве.

И что если я скажу ему, что у меня есть парень, это его не отпугнет. Но у меня действительно есть парень, напоминаю я себе. Боже, Калла. Это уже третий раз за последние несколько недель, когда я залюбовалась привлекательным парнем – дважды в клубе и один раз во время обеда на скамейке в парке, когда блондин в сшитом на заказ костюме в полоску прошел мимо, оставив меня с открытым ртом.

Я стараюсь сделать выражение лица жестче и повернуться к поклоннику спиной, надеясь, что он не примет это за застенчивость и просто пройдет мимо. Для таких парней выбор девушек в клубах – это как бейсбол, только с гораздо большим количеством шансов замахнуть, прежде чем они выбьют мяч.

– Эй. – Диана хмурится, теперь ее сузившийся взгляд прикован к бару. – Разве это не Кори?

Я замечаю знакомую гриву пышных белокурых локонов.

– Наверное.

Высокий, долговязый парень, очень похож на Кори со спины. И его плечи слегка сутулятся, как у Кори. И одет он в стиле Кори – в приталенную и стильную черную рубашку с воротничком и сшитые на заказ брюки.

Парень поворачивается и демонстрирует свой молодой, чисто выбритый профиль, подтверждая нашу догадку.

Я стараюсь не обращать внимания на ощущение в животе, когда достаю телефон из сумочки, думая о том, что, возможно, он все-таки позвонил, чтобы проверить, как я.

Ничего. Даже сообщений нет.

Диана мрачнеет.

– С кем это он?

Я вглядываюсь в лица вокруг него. Троих из них я встречала раньше.

– Коллеги. Полагаю, именно это он имел в виду, говоря, что придется работать допоздна, – бормочу я.

– Ну, я думаю, мы должны пойти туда и...

Ее слова затихают, когда в толпе возникает движение, и рядом с Кори появляется миниатюрная женщина. Та, на чьей спине расположилась рука моего парня в полуласковой манере. Манере, которая говорит, что они не вместе, но он отчаянно хочет, чтобы они были вместе.

Мы наблюдаем, как Кори наклоняется, говорит ей что-то на ухо, а затем отстраняется. Несомненно, он сказал что-то остроумное. Мне всегда нравилось его чувство юмора.

Ее длинные каштаново-коричневые волосы колыхаются, когда она откидывает голову назад и смеется, вызывая его ухмылку. Я почти вижу блеск в его глазах, тот самый, который очаровал меня так давно, когда мы приходили в клуб с друзьями и стояли у бара, а его рука точно так же лежала на моей спине.

В моей груди появляется тоскливое чувство, когда все кусочки сходятся воедино. Стефани Дюпон начала работать в рекламном агентстве около трех месяцев назад. Я встретила ее однажды, на вечеринке. Тогда у нее был парень. Но так ли это сейчас? Потому что Кори выглядит так, будто у него есть шанс.

– Значит, ты собираешься подойти и выплеснуть свою выпивку ему в лицо, так? – Диана говорит сквозь стиснутые зубы. – Нет, погоди. Не трать свою выпивку. Воспользуйся этой.

Она берет случайный стакан с бортика, где его кто-то оставил, наполовину полный тающего льда и мятых лимонных долек.

Я размышляю над ее предложением долю секунды.

– Зачем это?

Брови Дианы ползут вверх.

– Потому что он соврал тебе, что работает сегодня вечером? Потому что он находится вон там, в одном бокале от того, чтобы изменить тебе? И, кстати, с серьезным понижением рейтинга. Я имею в виду, да ладно, посмотри на себя, а потом посмотри на нее.

Я не вижу ее лица, но помню ее милой и привлекательной, с глубокими ямочками и дружелюбной улыбкой.

Я не отвечаю, и голос Дианы становится пронзительным:

– Хочешь сказать, ты сейчас не расстроилась еще больше?!

– Не знаю.

Конечно, это больно, но если быть честной с собой, то этот укус, вероятно, больше связан с моим эго, чем с чем-либо еще.

Мое сердце должно болеть от потери.

Мой желудок должно скрутить от предательства.

Мои глаза должны гореть от эмоций.

Но если уж на то пошло, то чувства, которые я сейчас испытываю, можно описать скорее как смесь разочарования и... облегчения?

Диана пыхтит.

– Ну, и что ты собираешься делать?

Я качаю головой, пытаюсь осмыслить происходящее. Мои годовичные отношения с, казалось бы, идеальным парнем разваливаются у меня на глазах, а я не чувствую никакого желания броситься туда и бороться за него.

– Подожди, я знаю! – Диана оборачивается. – Где он?

– Кто?

– Тот парень. Тот красивый парень, который пускал на тебя слюни.

– Нет. – Я хватаю Диану незанятой рукой, чтобы остановить, потому что когда моей подруге в голову приходит идея... – Я не собираюсь цеплять какого-то незнакомца, чтобы отомстить Кори.

– Ну... Но, – бормочет она, – ты должна что-то сделать!

– Ты права, я должна. – Я стучу своим бокалом о ее бокал, прежде чем допить остатки. Мне хочется убежать прочь, пока Кори не заметил меня здесь. – Я иду домой.

А потом, думаю, я поеду на Аляску.

Глава 4

– Эти милые. – Моя мама держит в руках новую пару резиновых сапог «Хантер» армейско-красного цвета.

– В самом деле? Но они занимают много места. Я не уверена, стоит ли мне брать их с собой.

– Доверься мне. Возьми.

Она укладывает их в чемодан, который я отвела для обуви и туалетных принадлежностей – он уже набит до отказа, – а затем садится на мою кровать. Ее палец перебирает небольшую стопку ценников, разложенных у моей подушки. Свидетельство того, что вчера я совершила экстренный шопинг, чтобы собрать гардероб под кодовым названием «Аляска».

– Ты уверена, что едешь только на неделю?

– Это ты научила меня, что «перегруз багажа – это главное».

– Да, конечно, ты права. Особенно там, куда ты направляешься. Ты не сможешь просто сбегать и купить то, что забыла. Там нет даже торгового центра. – Маму передергивает от одной мысли о покупках в торговом центре. – Там буквально ничего нет. Это...

– Бесплодная пустошь. Да, я помню. – Я запикиваю в угол второго чемодана пару шерстяных носков, извлеченную из корзины с зимней одеждой. – Хотя ты не была там двадцать четыре года. Может, все изменилось. У них теперь есть кинотеатр.

Я знаю, потому что набрала в гугле «Чем заняться в Бангоре, Аляска», и эта информация всплыла первой.

Кинотеатр оказался единственным развлечением в здании, отведенном под еженедельный кружок по вязанию и общественный книжный клуб – два занятия, которые меня совершенно не интересуют.

– Бангор мог увеличиться в размерах в два раза. Даже в три.

Мама улыбается, но это снисходительная улыбка.

– Города на Аляске не растут так быстро. Или вообще не растут в большинстве случаев. – Дотянувшись до одного из моих любимых осенних свитеров – двухсотдолларового кашемирового, нежно-розового цвета, который Саймон и мама подарили мне на Рождество, – она акку-

ратно складывает его. – Если я хоть немного знаю твоего отца, то его дом точно такой же, как и тогда, когда мы уезжали.

– Может быть, увидев его, я вспомню раннее детство.

– Или это вызовет у тебя кошмары. – Мама смеется, качая головой. – Эти богомерзкие липкие обои, которые поклеила Розанна, были хуже всего.

Розанна. Мать моего отца. Моя бабушка, о встрече с которой я была слишком мала, чтобы помнить. Я иногда разговаривала с ней по телефону, и она присылала открытки на день рождения и Рождество каждый год, вплоть до своей смерти, когда мне было восемь лет.

– Агнес, вероятно, сняла липкие обои.

– Может быть, – фыркает мама, отводя взгляд.

«Ты все еще любишь моего отца, даже сейчас?»

Я прикусываю язык под напором желания расспросить ее о том, что мне рассказал Саймон. Он прав: мама никогда не признается в этом, а я не хочу превращать жизнь Саймона в ад на все то время, пока меня не будет. В доме и так напряженная атмосфера. В четверг мама легла спать, думая об украшении стола красными розами и свадебных букетах из орхидей, а проснулась от новостей о женщине по имени Агнес, диагнозе рака у Рена и моей предстоящей поездке на Аляску.

Я не могу сказать, что больше ее расстраивает: то, что есть другая женщина, или то, что мой отец серьезно болен. Все это не дает ей покоя. Я заставляла ее перед эркером на кухне, сжимающей кружку и глядящей в пустоту, по крайней мере, полдюжины раз. Для женщины, которая всегда в движении, это необычно.

Тем не менее я не могу обойти стороной этот вопрос.

– Ты бы никогда не оставила Саймона ради папы, правда, мам?

– Что? Нет. – Она глубоко хмурит брови, будто переосмысливая свой ответ уже после того, как дала его. – Почему ты об этом спрашиваешь?

– Просто так, – колеблюсь я. – Ты вообще с ним разговаривала?

– Нет. – Она качает головой, затем делает паузу. – Правда, я отправила ему письмо несколько лет назад с копией твоей фотографии с выпускного экзамена в университете. Чтобы он знал, как выглядит его дочь. – Ее голос затихает, а глаза задерживаются на сколе кораллового лака на ногтях.

– И? Он вообще ответил?

Было ли это ему важно?

– Ответил. Он сказал, что не может поверить, насколько ты выросла. Как сильно ты похожа на меня. – Мама грустно улыбается. – Я не стала продолжать разговор. Я решила, что это к лучшему. Тебе это не понадобится, – добавляет она, разглядывая полосатую майку, которую я положила поверх остальной одежды.

Я замечаю, как быстро она меняет тему.

– Разве ты не сказала, что нужно собираться на все случаи жизни?

– Всю неделю ожидается всего четырнадцать градусов по Цельсию. Четыре – по ночам.

– Тогда я надену поверх свитер.

Мама проводит рукой по покрывалу.

– Значит, Рен заберет тебя в Анкоридже?

Я качаю головой с полным ртом воды. Интенсивная волна жары, пришедшая в Южное Онтарио, не желает уходить, из-за чего на третьем этаже нашего дома душно, несмотря на кондиционеры, подающие воздух через вентиляционные отверстия.

– За мной приедет парень по имени Джона.

– Почему не твой отец?

– Не знаю. Может быть, он чувствует себя недостаточно хорошо, чтобы летать.

В каком состоянии он будет, когда я приеду? Мы с Агнес переписывались по поводу поездки, но она ничего не говорила о состоянии папиного здоровья.

– Но он ведь знает, что ты приедешь?

– Конечно, знает.

Агнес сказала, что «они» подготовят мне комнату, и «они» были так рады моему приезду. Рот мамы кривится от беспокойства.

– Что за самолет?

– Тот, который не сломается в воздухе, надеюсь.

Мама бросает на меня пристальный взгляд.

– Это не смешно, Калла. Некоторые из самолетов твоего отца – крошечные. И ты летишь через горы и...

– Все будет в порядке. Это ты боишься летать, помнишь?

– Тебе следовало дожидаться коммерческого рейса. Они теперь ежедневно летают на этих «Дэш-8»⁷ в Бангор, – бормочет она.

– О чем бы ты ни говорила, до вторника не было свободных мест. – Я отправляюсь на Аляску, и неожиданно мама становится экспертом по моделям самолетов. – Расслабься, ты драматизируешь.

– Вот увидишь. – Она бросает на меня самодовольный взгляд, но он быстро исчезает. – Когда он начинает лечение?

– Я не знаю. Узнаю, когда приеду туда.

Мама хмыкает.

– И где ты еще раз делаешь пересадку?

– Миннесота, Сиэтл, Анкоридж.

Перелет предстоит изнурительный и даже не в такие экзотические места, как Гавайи или Фиджи, ради которых я бы с радостью потратила целый день на дорогу. Но обратная сторона заключается в том, что через двадцать четыре часа я буду стоять лицом к лицу с Реном Флетчером, двадцать четыре года спустя.

Мой желудок сжимается.

Мама барабанит кончиками пальцев по своему колену.

– Ты уверена, что не хочешь, чтобы я отвезла тебя в аэропорт? Я могу попросить кого-нибудь поработать за меня.

Я изо всех сил стараюсь сохранять терпение.

– Я должна быть там в четыре часа утра. Я возьму такси. Со мной все будет хорошо, мам. Перестань волноваться.

– Я просто...

Она заправляет волосы за ухо. Раньше у нас был одинаковый цвет волос, но теперь мама красит их, чтобы скрыть пробивающуюся седину, в более темный цвет коричневого с оттенками меди.

Я знаю, к чему это все ведет. Ее расстраивают не дальнейе расстояние, не крошечный самолет и не тот факт, что меня не будет целую неделю.

– Он не может причинить мне больше боли, чем уже причинил, – говорю я более мягко.

Тишина в комнате оглушительна.

– Он не плохой человек, Калла.

– Может, и нет. Но он никудышный отец.

Я с трудом застегиваю молнию чемодана.

– Да, он такой. И все же я рада, что ты едешь. Очень важно, чтобы вы встретились с ним хотя бы один раз. – Она изучает маленькую ранку на большом пальце – вероятно, укол от шипа

---

⁷ Пассажирский самолет, созданный канадской авиастроительной компанией *Bombardier Aerospace*.

розы. – Все эти годы курения. Я умоляла его бросить. Можно было подумать, что он так и сделает после того, как увидел, как твой дед увял от проклятых сигарет. – Мама качает головой, ее брови, более гладкие, чем должны быть в ее возрасте, благодаря процедурам лазерного ухода за кожей и филлерам, слегка вздергиваются.

– Может быть, он действительно бросил, но было уже слишком поздно. Но если он этого не сделал, я уверена, что доктор заставит его бросить теперь. – Я тащу чемодан на колесиках, стряхивая с рук пыль. – Минус один.

Мамин орехово-зеленый взгляд окидывает меня.

– Твои волосы чудесно блестят.

– Спасибо. Мне пришлось умолять Фаусто втиснуть меня вчера вечером в свое расписание. – Я смотрю в зеркало, стоящее рядом, и смахиваю с лица прядь светлых волос. – Получилось светлее, чем я хотела, но у меня нет времени, чтобы исправить это до отъезда.

Я не могу не заметить темные круги под глазами, которые не сумел скрыть даже толстый слой консилера. Последние два дня прошли в вихре покупок, прихорашивания, сбора чемоданов и планирования.

Расставания с моим парнем.

– Итак, вы с Кори официально расстались? – спрашивает мама, словно прочитав мои мысли.

– Я перерезала блестящую красную ленточку и все такое.

– Ты в порядке?

Я вздыхаю.

– Я не знаю. Такое ощущение, что моя жизнь перевернулась с ног на голову. Я все еще жду, когда осядет пыль.

После моего ухода из клуба в четверг Диана решила «случайно» столкнуться с Кори – потому что в противном случае она бы взорвалась от возмущения – и сообщить ему, что он только что разминулся со своей девушкой. Я бы поставила деньги на то, что Диана одарила его своей идеальной ядовитой улыбкой, когда уходила, довольная тем, что заставила Кори испытывать неловкость.

На следующее утро я проснулась от его голосового сообщения. Его тон был очень непринужденным, пока он неубедительно объяснял, как оказался в клубе. Он ни словом не обмолвился о Стефани Дюпон и о том, почему почти накинулся на нее в баре.

Я не сразу ответила, выписав ему дозу лекарства, которым он в последнее время угощал меня.

Ребячество?

Может быть.

Но мне нужно было больше времени, чтобы разобраться в своих мыслях и чувствах, все еще смешанных после того, как я провела ночь, уставившись в скошенный потолок над моей кроватью, пока часы тянулись к рассвету.

Мне нужно было больше времени, чтобы взглянуть правде в глаза.

Кори любил меня когда-то. Или, по крайней мере, он думал, что любил. И я была так уверена, что тоже люблю его, в самый разгар наших отношений – после того, как улетучилась новизна, но до того, как комфорт начал трещать по швам. У нас все было хорошо. Мы никогда не ссорились, не ревновали и не грубили друг другу. Если бы мне понадобилось выбрать одно слово, чтобы описать наши отношения, я выбрала бы «гладкие». То есть наши отношения работали без сбоев.

У «нас» нет причин для ссор.

Мы идеально подходим друг другу.

И нам стало скучно.

Какая бы магия ни была в начале, она иссякла, как если бы в шине образовалась медленная утечка после того, как ее пробил гвоздем. Ты можешь месяцами не знать, что что-то не так, пока однажды не окажешься на обочине дороги со спущенным колесом.

По крайней мере, это то, что я слышала о медленных утечках в шинах. Я никогда не сталкивалась с подобным. У меня даже прав нет. Но я должна признать факты – влюбленные «Калла и Кори», которые позировали перед камерой на груди камней в прошлом году, наехали на длинный, острый гвоздь где-то на дороге своих отношений, вероятно, еще до того, как Стеффани Дюпон появилась в кадре.

Это единственная причина, которая объясняет, почему то, что Кори флиртовал с другой девушкой, не вывело меня из себя и почему я была только слегка раздражена тем, что он не смог найти для меня время после моего тяжелого дня. И почему я не удосужилась позвонить ему после того, как узнала о болезни отца, в слабой надежде, что он ответит и утешит меня звуком своего голоса.

Думаю, где-то в глубине души я уже чувствовала, что наши отношения испаряются. Я просто еще не призналась себе в этом. Может быть, потому что надеялась, что это неправда. Или, что более вероятно, потому что, как только я признаю реальность, то почувствую, что должна это прекратить. А что, если Кори не чувствует того же? Что, если он думает, будто между нами все идеально, и будет умолять меня не заканчивать отношения?

Что, если я причиню ему боль?

Все бессознательные переживания кипят под поверхностью. Все причины, чтобы избежать столкновения с ним. По крайней мере, причины для меня – девушки, у которой острая аллергия на конфронтацию. Это мое единственное определяющее «качество Рена», как сказала мама. Мой отец умеет избегать конфликтов на уровне ниндзя и, ну... яблоко от яблони, видимо, даже если я приземлилась в пятидесяти пяти сотнях километров от него.

Конечно, если меня достаточно сильно задеть, я могу бросить словесную колкость как никто другой, но, когда дело доходит до того, чтобы по-настоящему столкнуться с кем-то или чем-то, что причиняет мне боль, я убегаю от собственной тени. Когда у меня закончились места, где можно было бы спрятаться, правда стала очевидной. Я и представить не могла, что полечу на Аляску, чтобы встретиться с отцом, с подобными мыслями. Поэтому в пятницу вечером я отправила Кори сообщение, в котором упомянула о поездке и о том, что для нас будет лучше, если мы сделаем перерыв, учитывая то, что у него происходит на работе «и все такое».

Его ответ? «Да, я думал о том же. Береги себя. Безопасного полета». Как будто он ждал возможности уйти. Впрочем, я не должна удивляться. Он тоже мастерски обходит неприятные ситуации. Хотя лучшая в этом деле – я.

Таким образом, мои отношения длиной в четырнадцать месяцев официально закончились.

Мы расстались с помощью сообщения, сведя конфронтацию к минимуму.

Мама встает с моей кровати.

– Уже поздно, Калла. Тебе нужно немного поспать.

– Я знаю. Только сначала приму душ.

Мама тянется ко мне и крепко обнимает, что длится на несколько мгновений дольше обычного.

– О боже, я вернусь в следующее воскресенье! – смеюсь я, сжимая ее стройную фигуру с такой же силой. – Как ты собираешься жить, когда я перееду?

Мама отстраняется, чтобы убрать длинные пряди моих волос с лица, моргая блестящими глазами.

– Мы с Саймоном все обсудили, и ты никогда не переедешь. Мы начали строить для тебя подземелье.

– Надеюсь, рядом с его секретным денежным хранилищем.

– Напротив него. Я буду снимать с тебя ошейник на время наших представлений.

– Или ты можешь просто поставить телевизор в моем подzemелье.

Она насмешливо вздыхает.

– И почему я об этом не подумала? Тогда нам не придется слушать нытье Саймона на заднем фоне.

Саймон ненавидит нашу общую любовь к дрянным реалити-шоу и жестоким сериалам про викингов, и он не может не пройти через гостиную, когда мы смотрим телевизор, бросая время от времени остроумные, но чаще всего раздражающие комментарии.

Наконец отпустив меня, мама вяло идет к двери. Однако она задерживается, изучая меня, пока я стою на коленях над вторым набитым до отказа чемоданом и дергаю за молнию.

– Тебе, наверное, стоит взять с собой книгу или две.

– Ты имела в виду макбук, верно?

Я не могу дочитать до конца и главу в книге, не заснув, и мама это знает.

– Я так и подумала. – Пауза. – Надеюсь, у них там есть интернет.

– Боже мой, ты шутишь, да?

Меня охватывает паника, когда в голове начинает крутиться мысль о том, что интернета там нет. Однажды я провела длинные выходные в коттедже возле парка Алгонкин, и мне пришлось ехать пятнадцать минут вверх по дороге в поисках баров, чтобы прочитать сообщения. Это был ад. Но не...

– Агнес отвечала на электронные письма сразу же. У них точно есть интернет, – говорю я с уверенностью.

Мама пожимает плечами.

– Просто... приготовься. Жизнь там совсем другая. Тяжелее. И в то же время проще, если в этом есть какой-то смысл. – Ее губы трогает ностальгическая улыбка. – Знаешь, твой отец пытался заставить меня играть в шашки. Он спрашивал каждый вечер, не хочу ли я сыграть, хотя знал, что я ненавижу настольные игры. Раньше меня это чертовски раздражало. – Она хмурится. – Интересно, он еще играет?

– Надеюсь, что нет.

– Уже через день тебе станет скучно и ты будешь искать, чем бы заняться, – предупреждает мама.

– Я уверена, что буду проводить какое-то время в аэропорту. – Я поднимаю второй чемодан на колеса. – Ну, знаешь... смотреть, как падают самолеты.

– Калла!

– Шучу.

Она тяжело вздыхает.

– Только не повтори мою ошибку и не влюбись в одного из этих пилотов.

Я хихикаю.

– Постараюсь сделать все возможное, чтобы этого не произошло.

– Я серьезно.

– Это же не пожарная часть, мама.

Она поднимает руки вверх в знак капитуляции.

– Ладно. Я знаю. Но есть что-то в тех парнях, которые там работают. Я не могу этого объяснить. Я имею в виду, они сумасшедшие, приземляются на ледники и горные хребты, летают сквозь снежную мглу. Они как... – Ее глаза ищут слова на моих стенах. – Небесные ковбой.

– О боже! – хохочу я. – Разве я похожа на девушку, которая влюбится в небесного ковбоя с Аляски? – Я с трудом выговариваю слова.

Мама смотрит на меня ровным взглядом.

– Похожа?

Справедливое замечание. Моя мама всегда была гламурной. Ее мочки ушей никогда не остаются без бриллиантов, а пара легинсов и заношенная концертная футболка выглядят изысканно. Да она бы скорее подохла себя, чем надела пару «маминых» джинсов.

Осторожно обходя мебель, я качу два огромных чемодана на площадку перед дверью.

– Выглядят ужасно тяжелыми, – бормочет мама.

– Они и есть ужасно тяжелые.

Мы смотрим на крутые пролеты дубовой лестницы, ведущей на первый этаж, недавно окрашенной в темный орех, но с теплым белым цветом спиц и стояков.

А затем в один голос кричим:

– Саймон!

Глава 5

– Да... Здесь всего пара носильщиков, которые вполне хорошо справляются.

Таксист средних лет криво усмехается через плечо, а я хмуро смотрю на отсутствие полосок сигнала сети на экране.

– Думаю, мой не из их числа, – бормочу я, убирая телефон подальше.

Вот вам и международный тарифный план США, который я приобрела сегодня утром, пока ждала посадки на первый из своих рейсов. Я молюсь, чтобы у моего отца в доме был Wi-Fi, иначе эта неделя будет проверять мое душевное равновесие как никогда раньше.

Водитель плавно направляет фургон на дорогу, в сторону небольшого регионального аэропорта, где меня ждет мой четвертый и последний самолет. Я обнаружила водителя у багажной карусели с табличкой «Калла Флетчер». После пятнадцати часов в пути («спасибо» задержке в Сиэтле) я благодарна за заранее организованную поездку.

Я переключаю внимание на маленький лыжный самолет, который поднимается в небо над нами – его красный корпус четко выделяется на фоне ярко-синего полотна. Каков он по сравнению с тем, на котором я собираюсь лететь?

– Первый раз в Анкоридже?

– Ага.

– Что привело вас сюда?

– Я кое-кого навещаю.

Мужчина просто поддерживает разговор, но у меня сводит живот от волнения. Я пытаюсь успокоиться, делая глубокие вдохи и концентрируюсь на пейзаже: спокойная кобальтовая вода впереди, пышные вечнозеленые деревья во всех направлениях и заснеженная горная цепь вдалеке. Именно такой пейзаж и предполагала Диана, когда я сказала «Аляска». На последнем самолете у меня было место у окна, и все время снижения я провела, прижавшись к стеклу, замороженная огромной мозаикой листвы деревьев и озер.

Насколько иначе будет выглядеть мой конечный пункт назначения?

– Далеко ли до Бангора на самолете?

Сейчас ранний вечер, солнце все еще высоко, и нет никаких намеков на то, что оно скоро опустится. Успеем ли мы до темноты?

– Около шестисот пятидесяти километров. Час пути. Где-то рядом, во всяком случае. Я выпускаю дрожащий вздох на фоне странной смеси нетерпения, ужаса и страха. Час с небольшим до встречи с отцом.

– Я так понимаю, вы туда и направляетесь? Бангор, я имею в виду.

– Да. Бывали там?

– Нет, уже много лет. Но у них есть «Дэш-8», которые летают в ту сторону несколько раз в день. Так с кем вы летите?

– «Дикая Аляска».

Водитель кивает.

– Самолеты Флетчера. Они хороши. Они уже давно здесь.

В том, как он произносит мою фамилию, есть что-то знакомое, что задевает мои чувства.

– Вы знаете его? Рена Флетчера, я имею в виду.

– Да, мэм. – Водитель кивает, чтобы сделать акцент на своих словах. – Я занимаюсь этой работой уже двадцать лет. Через некоторое время начинаешь узнавать лица, а Рен приезжал в Анкоридж достаточно раз, чтобы я его узнал. На самом деле не так давно я подвозил его до больницы. У него был неприятный кашель, его нужно было осмотреть. Какая-то зараза.

Мой желудок сжался. Да, зараза. Которая будет медленно убивать его.

– Эй, подождите-ка минутку. – Мужчина хмурится, поднимая плакат с надписью, который он держал при встрече. – Вы родственники?

Я колеблюсь.

– Он мой отец.

Почему эти слова столь обманчивы? Они звучат так, будто я знаю его, будто я встречалась с ним после того, как покинула этот самый город двадцать четыре года назад. Но правда в том, что водитель знает его лучше, чем я.

– Вы девчонка Рена Флетчера? – Его мутно-зеленые глаза ловят мои в зеркале заднего вида, и я вижу в них недоверие, прежде чем он снова переводит взгляд на дорогу. – Не знал, что у него есть такая, – бормочет он себе под нос, но я все равно слышу.

Я подавляю вздох. Не уверена, что сам папа помнит об этом.

* * *

– Мы будем взлетать над водой?

Я останавливаюсь, чтобы потрясти ногой. Камешек, застрявший между пальцами, вываливается наружу.

– Не-а. У нас есть и гравийная взлетно-посадочная полоса.

Билли, невысокий грузчик двадцати с чем-то лет, который встретил меня у главной двери Гидроаэропорта Лейк-Худ, волочит свои рабочие башмаки по земле, а мои чемоданы неповоротливо катятся за ним.

– Джона прилетел на своем «Кабе»⁸.

– Это тот самолет, что поменьше? – настороженно спрашиваю я.

А это нормально, что здесь все говорят о самолетах в терминах моделей?

Билли смотрит на меня через плечо, быстро переминаясь с ноги на ногу – уже седьмой раз с тех пор, как мы с ним познакомились, – и ухмыляется.

– А что? Вам страшно?

– Нет. Просто любопытно. – Я оглядываю ряд самолетов слева от нас и людей, толпящихся вокруг них.

---

⁸ Легкий двухместный самолет, выпускаемый компанией *Piper Aircraft*.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо. Джона – один из лучших пилотов в мире. Он уже должен был закончить дозаправку. Скоро он доставит вас на место.

– Отлично.

Я глубоко вдыхаю, наслаждаясь чистым, свежим воздухом после нескольких часов вдыхания неизвестно скольких микробов, циркулирующих в кабинах. Это приятная перемена после домашнего смога.

Еще один острый камень попадает мне под палец, и его нелегко вытряхнуть. Мне придется наклониться и вытащить его вручную, при этом другой рукой прижимая «Брикстон»⁹, чтобы удержать его на месте. Широкополая шляпа, вероятно, была не самым разумным решением для стольких перелетов, но не могла же я ее упаковать. Может, мне стоит переобуться в «Чаксы»¹⁰? Но эти семисантиметровые танкетки на ремешках удивительно удобны и, что более важно, они потрясающе смотрятся с моими рваными джинсами.

– Сюда! – кричит Билли.

Я поднимаю глаза и успеваю заметить, как он притормаживает рядом с голубоносым самолетом с несколькими порталными окнами. Я тихонько считаю ряды. Он должен вмещать не менее шести человек. Моей матери не о чем беспокоиться. Я останавливаюсь, чтобы сфотографировать самолет на свой телефон, а затем – аэропорт позади меня, запечатлев гладкое озеро и горный фон за ним.

Только обогнув угол, я понимаю, что Билли остановился не у голубоного самолета. Он идет мимо, направляясь к другому, припаркованному дальше по линии.

– О боже! Это взаправду? – лепечу я, глядя на крошечную желто-оранжевую штучку. Игрушечный самолетик, крылья которого больше, чем его корпус.

Билли оглядывается и улыбается мне.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что здесь нет места даже для меня!

– Оно есть. Позади пилота. Эй, Джона! – В перерывах между смехом Билли окликает человека, чья широкая спина обращена к нам, пока он возится с чем-то на пропеллере. – Помоему, у тебя нервный летун!

– Фантастика, – ворчит мужчина глубоким баритоном, бросая инструмент в сумку, стоящую на земле возле его ног, прежде чем повернуться к нам лицом с явной неохотой.

У Дианы был бы день открытых дверей, отмечаю я, глядя на густую, лохматую пепельно-русую бороду, покрывающую нижнюю половину лица мужчины и торчащую под разными углами. Из-за нее, светоотражающих авиационных очков и черной бейсболки ВВС США, низко надвинутой на лоб, я не вижу его лица. Я даже не могу предположить его возраст.

И он большой. Я стою на семисантиметровых танкетках, и он все равно возвышается надо мной. Трудно сказать, насколько он крупный под клетчатой изумруднозеленой с черным курткой, но широкие плечи придают ему громадный вид.

– Джона... Это Калла Флетчер.

Я не вижу лица Билли с этого ракурса, однако не упускаю скрытого смысла в тоне его голоса. Ответ на предшествующий разговор. Я бы, наверное, покраснела, если бы подслушала его.

Но я отвлекаюсь от размышлений о грубых мужских шутках, сосредоточившись на самолете, который должен доставить меня через горный хребет, и на йети, который меня туда доставит.

Как, черт возьми, он вообще помещается в эту кабину?

---

⁹ Американский бренд одежды.

¹⁰ Кеды *Chuck Taylor All-Star* производства американской компании *Converse*.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться. Напоминаю себе, что это не имеет значения; что этот гигант прилетел сюда на этом самолете и он доставит меня обратно на нем же.

– Привет. Спасибо, что приехали за мной.

– Агги не оставила мне выбора.

– Я... э-э-э... – Я запинаясь, подыскивая подходящую реакцию на этот ответ. И «Агги»? Джона долго изучает меня из-за непроницаемых линз, и у меня создается впечатление, что он осматривает меня с ног до головы.

– Сколько в вас? Четыре-восемь? Пять-ноль?

Я чувствую, как у меня вскидываются брови.

– Простите?

– Сколько вы весите? – спрашивает он медленно, с раздражением выделяя каждое слово.

– Кто спрашивает об этом при первом знакомстве?

– Тот, кто хочет оторвать свой самолет от земли. Я не смогу взлететь, если будет слишком много веса, поэтому мне нужно все посчитать.

– О. – Мои щеки пылают от смущения, я неожиданно чувствую себя глупой. Конечно, поэтому он спрашивает.

– Так сколько?

– Шестьдесят один, – бормочу я. Может, я и худая, но мускулистая.

Джона тянется в кабину самолета и достает пустую черную нейлоновую дорожную сумку. Он бросает ее мне, и я инстинктивно тянусь, чтобы поймать ее, роняя при этом свою сумочку.

– Можете использовать это для своих вещей.

– Что вы имеете в виду? – Я хмуро смотрю на сумку, а потом на Джону. – Мои вещи в этих чемоданах.

– Чемоданы сюда не влезут. Билли, разве ты уже не сказал ей об этом?

Билли просто пожимает плечами в ответ, получая раздраженное покачивание головой от Джоны.

– Но... Я не могу бросить свои вещи! Здесь тысячи долларов! Одежда, обувь... Мне пришлось заплатить двести баксов за перевес, чтобы доставить их сюда!

– Если ты хочешь лететь со мной, тебе придется, – возражает Джона, сложив руки на широкой груди, словно готовясь стоять на своем.

Я смотрю на свой багаж с нарастающей паникой.

– Я уверен, что завтра в Бангор прилетит грузовой самолет. Я закину чемоданы на первый, который сможет выдержать дополнительный вес, – успокаивающим тоном предлагает Билли.

Мой шокированный взгляд мечется между ними. Какой у меня есть выбор? Если я не поеду с Джоной сейчас, мне придется найти номер в гостинице и остаться в Анкоридже, пока не удастся попасть на регулярный рейс. Агнес сказала, что сейчас разгар сезона. Кто знает, сколько времени это займет?

– Почему Агнес не отправила вас сюда на большем самолете? – ворчу я, не особо рассчитывая на ответ.

– Потому что большие самолеты делают деньги. К тому же никто не знал, что ты планируешь сюда переехать, – его голос пронизан сарказмом.

У меня быстро складывается впечатление, что Джона никуда не желает лететь со мной.

И что он огромный мудака.

Я специально поворачиваюсь к нему спиной, чтобы встретиться взглядом с Билли.

– Мои вещи будут здесь в безопасности?

– Я буду охранять их лично, – обещает он, скрепя пальцы на груди для большего эффекта.

– Прекрасно, – ворчу я, бросая спортивную сумку на гравий и желая, чтобы пилотом был Билли. Умеет ли он вообще управлять самолетом, меня сейчас мало волнует.

– И побыстрее, – добавляет Джона. – Сегодня ночью будет сильный туман, и я не собираюсь где-нибудь застрять.

После этих слов он исчезает в хвостовой части самолета.

– Так или иначе, не стесняйся отправиться без меня, – тихо бурчу я, потому что поиск собственного пути в Бангор с каждой секундой звучит все привлекательнее.

Билли удивленно почесывает бритый затылок, поглядывая на угрюмого пилота.

– Обычно Джона не такой раздражительный, – бормочет он.

– Тогда, видимо, мне повезло.

А может, это из-за меня у Джоны такое плохое настроение? Но что я сделала, чтобы заслужить его враждебность? Кроме слишком большого количества вещей. Я опускаюсь на землю и начинаю рыться в своих чемоданах. Прекрасно осознаю, что Билли стоит у меня за плечом и наблюдает за мной, пока я обдумываю, что мне понадобится. Эта нейлоновая сумка достаточно большая, чтобы в нее поместилась одежда на два-три дня. Меньше, если учесть мои косметички и туалетные принадлежности, а еще все мои украшения. Нет никаких шансов, что я оставлю их здесь.

Я поднимаю взгляд и успеваю заметить, что глаза Билли изучают мою коллекцию кружевных трусиков.

Он быстро отводит взгляд.

– О, не беспокойтесь о Джоне. Наверное, что-то заползло ему в задницу. – Билли замолкает. – Что-то большое.

– Надеюсь, он предусмотрел его вес при взлете, – бормочу я, доставая свои кроссовки.

Сквозь прохладный ветерок доносится лающий смех Билли.

Глава 6

– На дороге будет неровно, – объявляет Джона со своего места передо мной, его глубокий голос в наушниках соперничает с ревом двигателя самолета.

– Хуже, чем то, что мы испытали до этого момента?

Потому что мой мозг трещит внутри головы от турбулентности, пережитой за последний час.

– Ты думала, это было худшее?

Он мрачно усмехается, когда мы прорезаем низко нависшее облако. Возможно, мы взлетели в голубое небо, но на этой стороне штата горизонт затянут толстым слоем серого.

Я плотнее прижимаю к телу свой вязаный свитер как для удобства, так и для защиты от холода. Каждая тряска звучит гроыхающе и опасно, будто от корпуса самолета в любой момент могут оторваться металлические панели.

Джона, наверное, не был бы так весел, если бы узнал, что я достала из сумочки пакет и держу его открытым перед собой последние пятнадцать минут. То, что мне удалось так долго удерживать куриные тако, которые я съела в Сиэтле, – просто чудо, но сейчас они бурлят у меня в животе.

Нос самолета внезапно наклоняется. Я храбрюсь и дергаю ремень безопасности, чтобы убедиться, что он плотно зафиксирован. Затем сосредотачиваюсь на глубоком вдохе, надеясь, что это успокоит мои расшатанные нервы, а еще мои внутренности. О чем, черт возьми, думала Агнес, посылая Джону загнать меня в эту смертельную ловушку? Мне не терпится позвонить маме и сказать, что она была права, что меня не устраивает мотаться по горам, будучи упакованной в консервную банку словно сардина. Что ни один здравомыслящий человек не согласится на это, никогда.

Эти пилоты с Аляски просто сумасшедшие, раз избрали такой путь.

– Как долго еще? – спрашиваю я, стараясь сохранить ровный голос, пока самолет кренит то в одну, то в другую сторону.

– На десять минут меньше, чем когда ты спрашивала в последний раз, – бормочет Джона. Он связывается по рации с диспетчером и начинает рифмовать коды, говорить о видимости и узлах.

А я смотрю на спину его громоздкой фигуры, втиснутой в кресло пилота. Если ему и неудобно в этом крошечном фюзеляже, он не произнес ни слова жалобы. На самом деле он почти ничего не сказал мне за всю поездку. В основном «ага», «не-а» и короткие ответы, которые пресекали все мои попытки завязать светскую беседу. В конце концов я сдалась и сосредоточилась на истрепанных пепельно-русых прядях волос, завивающихся вокруг его бейсболки и над воротником куртки, а не на том, что прямо за тонкими металлическими стенами и стеклянными панелями находятся тысячи метров, куда мы можем упасть и разбиться насмерть.

Реальность, которая кажется все более очевидной с каждым внезапным и сильным рывком.

Самолет кренится вправо, вызывая мой панический вздох. Я зажмуриваюсь и продолжаю делать спокойные, ровные вдохи, надеясь, что это подавит бурлящую тошноту. «Я справлюсь... Я смогу сделать это... Это то же самое, что и полет на любом другом самолете. Мы не умрем. Джона знает, что делает».

– Это Бангор, впереди.

Я осмеливаюсь выглянуть в окно и посмотреть вниз, надеясь, что обещание того, что мои ноги скоро коснутся земли, поможет справиться с паникой. Пышная, зеленая, ровная земля простирается настолько далеко, насколько позволяет видеть пасмурное небо – огромное пространство, в основном не тронутое рукой человека. Оно усеяно ручьями и озерами всех форм и размеров и одной широкой рекой, змеящейся через него.

– Это и есть Бангор? – Я не могу скрыть удивления в голосе, изучая посеы низких, прямоугольных зданий, сгрудившихся вдоль берега реки.

– Ага. – Пауза. – А чего ты ожидала?

– Ничего. Просто... Я думала, он будет больше.

– Это самое большое поселение на Западной Аляске.

– Да, я знаю. Поэтому я думала, что здания будут, ну не знаю, больше. Выше.

В последние два дня у меня было мало времени, чтобы получше изучить место, куда я направляюсь. Все, что я знаю, это прочитанное мной в телефоне в ожидании самолета сегодня утром – что эта часть Аляски считается «тундрой» из-за своего плоского рельефа; что солнце почти не заходит в летние месяцы и почти не восходит во время долгой арктической зимы; и что большинство здешних городов и деревень имеют коренные аляскинские названия, которые я не смогу выговорить.

Джона фыркает, и я жалею, что высказала свои мысли вслух.

– Не похоже, что ты вообще много знаешь. Разве ты не здесь родилась?

– Да, но я же ничего не помню. Мне не было и двух лет, когда мы уехали.

– Ну, может быть, если бы ты потрудилась вернуться раньше, ты бы знала, чего ожидать.

В его тоне слышится обвинение. В чем, черт возьми, его проблема?

Мы попадаем в очаг турбулентности, и самолет начинает сильно трястись. Я упираюсь ладонью в ледяное окно, когда тошнотворное чувство снова начинает шевелиться, и ком глубоко внутри начинает подниматься. Мой желудок готовится вытолкнуть свое содержимое.

– О боже... это плохо, – стону я.

– Расслабься. Это ерунда.

– Нет, я имею в виду... – Мое тело покрывается испариной. – Я думаю, меня укачало.

Тихое ругательство доносится до моего уха.

– Держись. Мы будем на земле через пять минут.

– Я стараюсь, но...

– Ты не можешь блевать здесь.

– Ты думаешь, мне этого хочется? – огрызаюсь я, взяв со своим пакетом.

Из всех вещей, которых я боюсь, рвота стоит в одном ряду с самыми страшными.

И теперь я буду блевать, сидя позади этого придурка.

– Черт. У нас еще шесть свободных пилотов, но тебя пришлось взять мне, – бубнит про себя Джона.

Я закрываю глаза и прислоняюсь лицом к окну. Ледяное стекло немного помогает, даже при резких толчках.

– «Не волнуйся, Калла. Ничего страшного, Калла». Так сказал бы порядочный человек, – слабо бормочу я.

– Я здесь, чтобы доставить твою высокомерную маленькую задницу в Бангор, а не тешить твое эго.

«Высокомерную»? Мое «эго»? Я приоткрываю один глаз, чтобы кольнуть его взглядом в затылок. Все притворства вежливости исчезли.

– А мой папа знает, что ты такой огромный мудак?

Джона не отвечает, и я рада этому, потому что разговоры усиливают мою тошноту. Я отключаю гарнитуру и возвращаюсь к длинному вдоху через нос и медленному выдоху через рот, борясь с желанием тела эвакуировать его содержимое в любой момент, пока меня трясет и толкает во время нашего снижения к взлетно-посадочной полосе впереди.

Крошечный двухместный самолетик мотает из стороны в сторону, словно качели, прежде чем колеса касаются земли, он несколько раз подпрыгивает, а затем наконец приземляется.

Каким-то чудом во время всего этого мне удается удержать свои такто.

Я вздыхаю с облегчением, когда мы вырливаем на взлетно-посадочную полосу. Справа я вижу несколько больших прямоугольных зданий разных цветов – зеленого, как лес, красного, как пожарная машина, темно-синего – с двумя коммерческими самолетами, похожими на те, на которых я сегодня летала. Мы катимся налево, к ряду небольших зданий стального серого цвета, на самом большом из которых висит бело-голубая вывеска с надписью «Дикая Аляска».

Мое сердце начинает колотиться в груди.

Я была здесь двадцать четыре года назад. Слишком маленькая, чтобы помнить, но я была здесь, и с тех пор бесчисленное количество раз представляла себе этот момент.

Невысокий коренастый парень во флуоресцентном жилете небрежно взмахивает оранжевой палочкой, указывая Джоне на место в конце линии из шести самолетов.

Перед нами – четыре ряда таких. За ними еще два.

Все они больше, чем тот, в котором мы находимся, отмечаю я.

Мне хочется спросить: «Это все самолеты моего отца? В какой части аэропорта мы находимся? А эта коллекция разноцветных строений, похожих на склады, на самом деле городской аэропорт? Сколько людей здесь работает?», но очевидно, что Джона не хочет просвещать меня в чем-либо, поэтому я прикусываю язык. Я могу спросить Агнес. Я предполагаю, что с ней будет приятнее общаться.

Или я могу спросить своего отца, с которым скоро встречу.

Меня охватывает внезапное желание пописать.

Не успев заглушить двигатель, Джона уже снимает гарнитуру, открывает дверь и выпрыгивает с удивительной ловкостью.

Я остаюсь еще некоторое время, наслаждаясь бодрящим прохладным ветерком, который проносится по моему лицу и действует словно бальзам на мой бурчащий желудок.

– Давай, пошли! – рявкает Джона.

Я почти избавилась от необходимости иметь с ним дело, напоминаю я себе, соскальзывая со своего места.

Я замираю в дверях самолета, чтобы оценить расстояние до земли, пытаюсь понять, как мне спрыгнуть отсюда на своих высоких танкетках, удержав при этом сумочку на плече и шляпу на голове и не упав лицом вниз или не подвернув лодыжку. Мне следовало сменить обувь, когда я рылась в чемодане в поисках самого необходимого.

Без единого слова предупреждения Джона хватает меня за талию своими огромными руками и спускает вниз, словно я совсем ничего не вешу, вызывая мой удивленный взвизг. Поставив меня на землю, он ныряет обратно в самолет, чтобы достать нейлоновую сумку, спрятанную за сиденьем. Он бесцеремонно бросает ее к моим ногам, как если бы выбрасывал мусор на обочину. Сумка приземляется в лужу.

– Вот. Теперь блюй сколько хочешь.

В мою пустую руку он всовывает пластиковый пакет.

Я смотрю на его лицо – все еще скрытое маской из грязных волос, солнцезащитных очков и бейсбольной кепки, натянутой низко, несмотря на отсутствие солнца. Как долго он выращивал этот куст? Годы? Длинные, жилистые волосы торчат во все стороны. Гарантирую, что он никогда не видел ножниц или расчески. Никогда.

Мое искаженное гримасой отвращения лицо смотрит на меня из отражения его линз, и слова мамы о том, что я влюблюсь в пилота, внезапно настигают меня.

Я начинаю хохотать. Неужели Джона – тот самый «небесный ковбой»?

Как будто я когда-нибудь влюблюсь в этого парня.

Кожа между нижней частью авиационных очков Джоны и верхней частью его неухоженной бороды краснеет.

– Что смешного? – спрашивает он настороженно.

– Ничего. – От порыва прохладного ветра пряди моих длинных волос развеваются у подбородка, а шляпа грозит сорваться с головы. Я отмахиваюсь от них и прочищаю горло. – Спасибо, что доставили меня сюда, – вежливо говорю, сохраняя ровное выражение лица.

Он медлит. Я чувствую его тяжелый взгляд на своем лице, и от этого мне становится не по себе.

– Не благодари меня. Это была не моя идея, – отвечает он, затем сверкает натянутой, неискренней улыбкой, обнажая ровные, красивые белые зубы.

«Здесь, – предполагаю я, – он отбросил все свои базовые привычки по уходу и гигиене».

– Привет! – окликает меня женский голос, отвлекая от желания ударить Джону прямо в его безупречную грудную клетку.

Я с радостью отворачиваюсь от него, чтобы увидеть миниатюрную женщину, направляющуюся к нам.

Это, должно быть, Агнес.

Последние три дня я все представляла, как выглядит женщина, стоящая за спокойным, мягким голосом в телефонной трубке. «Подруга», которая явно не просто подруга. Наверное, я по глупости решила, что она будет похожа на мою мать.

Агнес настолько противоположна ей, насколько это вообще возможно.

Во-первых, она настолько мала, что выглядит почти ребенком, особенно в оранжевом защитном жилете, который по крайней мере на три размера больше нужного, мешковатых мужских джинсах и неуклюжих рабочих ботинках. Наряд, в котором мою мать не удастся застать даже в ее самый худший день. И, в отличие от гладкого и безупречно окрашенного боба моей мамы, вороненочерные волосы Агнес, слегка припорошенные сединой, обрезаны до немислимой длины пикси, будто в один прекрасный день они ей надоели, и она остригла их сама и без зеркала.

Кроме того, Агнес – коренная жительница Аляски.

– У тебя получилось, – говорит она, останавливаясь передо мной и давая мне возможность рассмотреть ее черты.

У нее красивое круглое лицо, состарившееся благодаря тонким морщинкам на бровях и заметным «гусиным лапкам» в уголках глубоко посаженных, прикрытых глаз. Если бы мне нужно было угадывать, я бы дала ей около сорока лет.

– Получилось.

Она широко улыбается, демонстрируя ярко выраженные щеки и слегка кривые передние зубы цвета костяного фарфора.

Наконец-то. Хоть кто-то здесь, кажется, искренне рад меня видеть.

– Так он...

Мои слова сбиваются, пока взгляд блуждает от двери, из которой Агнес вышла несколько минут назад, к другим зданиям вокруг нас, где полдюжины рабочих в светоотражающих жилетах загружают грузы в самолеты. Я всматриваюсь в их лица, затаив дыхание, странная смесь нервных бабочек и тошноты соперничает за внимание внутри меня.

– Рену пришлось подняться на площадку возле Русской Миссии¹¹, чтобы завезти припасы, – объясняет она, будто я знаю, где это. – Он скоро вернется.

– О, – заикаюсь я. Он не приехал меня встретить? – Он ведь знал, что я приезжаю?

– Да, разумеется. Он в предвкушении. – Широкая улыбка слегка вздрагивает, и этого достаточно, чтобы вызвать у меня подозрения.

Он знал, что его дочь, которую он не видел двадцать четыре года и с которой не разговаривал двенадцать лет, придет сегодня вечером. Неужели он не мог найти кого-нибудь другого, чтобы завезти припасы, и поприветствовать ее? Неужели он не мог послать Джону вместо себя? Или одного из шести других свободных пилотов, если верить недавнему ворчанию пилота?

А еще лучше, раз уж он не слишком болен, чтобы летать, почему он не мог приехать за мной в Анкоридж?

Мой отец намеренно избегает меня?

Буду ли я иметь дело с еще одним Джоной, который не в восторге от моего пребывания здесь?

Я изо всех сил стараюсь сохранить спокойное выражение лица, пока внутри меня бушуют эмоции. После дня отсчитывания часов и минут до встречи с реальной версией фотографии, до того, как я снова услышу мягкий, непринужденный тембр его голоса, разочарование накачивается с новой силой. Но вместе с этим разочарованием приходит и волна той же ноющей обиды, что охватила меня так много лет назад, – мой способ справиться с осознанием того, что я никогда не буду для папы приоритетом.

А еще где-то в глубине этих переменчивых эмоций скрывается облегчение от того, что у меня есть еще немного времени, чтобы собраться с силами перед тем, как мне придется встретиться с ним лицом к лицу.

– Как прошли твои перелеты? – спрашивает Агнес, словно почувствовав мое внезапно испорченное настроение и желая сохранить легкость.

– Отлично. Большая часть, во всяком случае. – Я бросаю злобный взгляд через плечо. Джона возится с чем-то в самолете и, кажется, не обращает на нас внимания.

Глаза Агнес следят за моими, и, когда достигают рослого пилота, ее брови смыкаются. Но она быстро переключает свое внимание обратно, блуждая взглядом по моему лицу и задерживаясь на каждой черте.

– Ты так выросла. – Должно быть, она видит мое замешательство, потому что быстро добавляет: – Твоя мама каждый год посылала Рену твою школьную фотографию. Он хранил их в рамке на своем столе и менял местами, когда приходил новый снимок.

Если не считать моей университетской выпускной фотографии, последняя школьная фотография, которую отправила моя мама, была сделана в восьмом классе, что означает, что Агнес и мой отец знали друг друга очень давно.

Как-то неловко спрашивать об этом спустя несколько минут после знакомства с этой женщиной, и все же я не могу больше сдерживаться:

– Так вы с моим папой женаты?

---

¹¹ Город в зоне переписи населения Кусилвак, штат Аляска.

На ее пальце нет кольца, но она и не выглядит человеком, который носит украшения.

– Я и Рен? Нет. Мы – просто мы. Это сложно.

Ее взгляд перемещается вниз, скользит по моим танкеткам на высокой платформе, а затем падает на потрепанную спортивную сумку.

– Твоя? – с сомнением спрашивает Агнес.

Не похоже, что сейчас я смогу узнать от нее что-нибудь еще об их отношениях.

– Нет. Мой багаж остался в Анкоридже. Он не поместился. Честно говоря, не могу поверить, что нашлось место для меня.

Я объясняю, что Билли обещал прислать мои вещи завтра.

Она качает головой.

– Мне жаль. Я говорила ему взять одну из «цесн».

Минуточку...

– Джона сказал мне, что этот самолет был единственным свободным.

– Не понимаю, о чем она говорит, – отзывается тот, хотя его внимание, кажется, приковано к планшету, пока его огромная рука водит по нему ручкой, небрежно ставя галочки.

Мой рот раскрывается, когда я смотрю на этого лживого ублюдка.

Агнес издает тихий вздох.

– Пойдем, Калла.

Она тянется вниз, чтобы ухватиться за ремень нейлоновой сумки, а затем перекидывает ее через плечо так, словно она совсем ничего не весит, хотя сумка, вероятно, меньше ее всего лишь вдвое.

– Давай устроим тебя до приезда твоего отца. Я уверена, что твоя мама хотела бы, чтобы ты заглянула.

– В доме же есть Wi-Fi, верно? – Я машу своим телефоном в воздухе. – Потому что я не могу поймать сигнал с самого Сиэтла.

– Ты, должно быть, умираешь, – бормочет Джона под нос, но достаточно громко, чтобы я услышала.

Я закатываю глаза.

– Нет, здесь нет сигнала. Здесь работает только GCI¹². Но да, ты сможешь подключиться из дома, – говорит Агнес. – Джона, позаботься здесь обо всем за меня, ладно?

Он ворчит в ответ, что, как я полагаю, означает согласие.

Агнес, кажется, принимает это за таковое. Она кивком головы приглашает меня следовать за ней в сторону небольшой группы машин, припаркованных у дальней стороны офисного здания.

– Подождите! Вы не возражаете против фото?

– О... конечно, – говорит Агнес, ее глаза расширяются от удивления.

Я вручаю ей свой телефон, а затем осторожно пробираюсь по лужам, чтобы прислониться к самолету, наклоняя свое тело в позу, которая, как я знаю, особенно выигрышна, моя левая рука нежно прижимает макушку моей шляпы.

– Улыбочку! – говорит Агнес.

– О, нет, все в порядке! – кричу я, глядя вдаль, на другой самолет, который спускается из облаков. Внимательно следя за тем, как Джона наблюдает за мной, я наостряю уши, чтобы уловить любой ехидный комментарий, который он может сделать.

К счастью, какие бы мысли у него ни были, в кои-то веки он держит их при себе.

– Я сделала три. Это устроит?

– Идеально. Спасибо. – Я избегаю взгляда Джоны, забирая свой телефон, и следую за Агнес. – Так вы здесь работаете?

---

¹² *General Communication Inc.* – телекоммуникационная корпорация, работающая на Аляске.

Она тепло улыбается мне.

– Уже шестнадцать лет.

– Ого.

Мой отец и Агнес знали друг друга с тех пор, как мне было десять. Но за четыре года, пока мы общались, он не упоминал о ней. Были ли их отношения «сложными» все это время или сложным был только папин характер?

– И чем вы здесь занимаетесь?

– Проще сказать, чем я тут не занимаюсь. На самолетах не летаю... Нет. Но я занимаюсь многими другими делами – диспетчеризацией и начислением зарплаты, бронированием и контрактами на поставку; всеми этими скучными вещами. И я забочусь о ребятах. Сейчас у нас... тридцать пять пилотов.

Мои глаза расширяются.

– Серьезно?

– Конечно, они не все работают полный рабочий день и разбросаны по всем землям. У нас есть один парень в Уналаклите, двое в Коцебу... Уткиагвик, конечно же, на летний сезон. Несколько в Фэрбанксе... повсюду. Это как иметь десятки сыновей. Их может быть немного, и я не вижу некоторых из них месяцами, особенно тех, что на севере, но я люблю их, как своих собственных.

– Не сомневаюсь.

Хотя как кто-то, кроме кровных родственников, может любить Джону, для меня загадка.

Я настолько отвлекаюсь на свои мысли, что не обращаю внимания на то, куда иду. Моя левая нога опускается в глубокую лужу. Я содрогаюсь как от холода грязной воды, попавшей на пальцы ног, так и от того, что она испортит замшевую стельку.

– Наверное, только что прошел дождь?

– Здесь всегда «только что прошел дождь». – Агнес забрасывает вещевой мешок в кузов старого черного пикапа «ДжиЭмСи», который видал лучшие времена – на его боку вмятины и царапины, а ржавчина разъедает колесные колодцы. – Надеюсь, ты захватила с собой хорошие дождевые сапоги.

– Да. Красивые, дорогие красные сапожки «Хантер». – Я делаю паузу для эффекта. – Они в Анкоридже вместе с остальной моей одеждой.

– Я позабочусь о том, чтобы твои вещи доставили сюда в ближайшее время. – Взгляд Агнес возвращается к рядам самолетов. Она открывает рот, чтобы сказать что-то еще, но потом решает не делать этого. – Давай отвезем тебя домой.

Я рискую бросить гневный взгляд на Джону, который прогуливается по площадке в сторону ангара, его походка непринужденная и уверенная. Он поворачивается в мою сторону один раз, а затем полностью игнорирует меня, даже не помахав рукой.

«Скатертью дорога». Если мне не придется иметь с ним дел до конца недели, я буду просто счастлива.

До дома отца ехать недалеко – не больше пяти минут – и по пустым дорогам: асфальтированной, рассеченной змеящимися трещинами, и грунтовой, испещренной бесчисленными выбоинами. Те немногие дома, которые мы видим, проезжая мимо, представляют собой простые, функциональные конструкции, в основном модульные, обшитые разноцветной облицовкой. Все они стоят на деревянных подпорках. Из-за вечной мерзлоты, объясняет Агнес.

Я делаю мысленную пометку посмотреть в словаре «вечная мерзлота», когда у меня снова будет интернет.

Сиденье Агнес выдвинуто вперед до упора, и она сидит с прямой спиной, чтобы иметь возможность видеть над приборной панелью – ее миниатюрный рост становится проблемой за рулем пикапа. Если бы я была более расслаблена, я бы, наверное, нашла это забавным.

Но присутствие Агнес помогает. Она так же спокойна, как и по телефону, ее голос убаюкивает, пока она указывает на основные ориентиры: «город» Бангор в восьми километрах к востоку и реку Кускоквим рядом с ним. Это и есть та толстая, змеящаяся река, которую я увидела сверху. Агнес говорит, что это главная артерия Берингова моря, которая тянется далеко на север, позволяя перемещаться между поселками на баржах и лодках в теплые месяцы и на автомобилях, когда она замерзает зимой. Это единственный способ доехать на машине до деревень, видимо, потому что никаких дорог, соединяющих Бангор с остальной частью штата, нет.

В ясный день, обещает Агнес, я смогу увидеть вдалеке гору Три Ступени. Но сейчас я вижу лишь километры плоской земли, усеянной низкими кустами и окутанной туманным небом.

И блеклый модульный дом цвета мха в конце длинной, узкой подъездной дороги, к которому примыкают гараж и два небольших хозяйственных сарая.

– Ну... вот мы и приехали, – произносит Агнес, заглушая двигатель.

Дом моего отца. Место, где я провела первые два года своей жизни.

Несмотря на то что я ничего не помню, все в этом моменте кажется сюрреалистичным.

Я делаю глубокий вдох, вылезая из грузовика и следуя за Агнес по скрипучим деревянным ступенькам и через единственную дверь, лишь смутно осознавая, что Агнес не потрудилась воспользоваться своим ключом. Дверь уже была не заперта.

Я замираю на месте, и мои глаза удивленно распахиваются, когда я вижу армию зеленых уток-крякв. Отвратительные обои покрывают каждый квадратный сантиметр кухонной стены. Это отнюдь не большая кухня, так что обои делают ее визуальнее еще меньше.

Как бы ужасно это ни было, я подавляю внезапное желание хихикнуть. Наверное, это то, о чем говорила мама. Мне не терпится сказать ей, что она была права, что она все еще знает моего отца.

Агнес бросает ключи от грузовика на столешницу.

– Рен всегда забывает закрыть дверь перед уходом утром.

Она встает на цыпочки, чтобы дернуть за шнур, прикрепленный к жалюзи на окне над раковиной, впуская мутный дневной свет, освещающий золотистые дубовые шкафы, кремового цвета столешницу из ламината и соответствующего оттенка виниловый пол – узор из квадратов с маленькими бордовыми треугольниками, подчеркивающими каждый угол. Он напоминает мне пол, который был у моих бабушки и дедушки в подвале.

С небольшим окном над раковиной, окном в двери и одноламповым светильником наверху здесь тускло. Я могу только представлять, как это угнетает во время долгих зим.

– А когда наступает темнота? – спрашиваю я, обхватывая себя руками больше для комфорта, чем для тепла.

– В это время года? Солнце садится незадолго до полуночи, а встает около четверти четвертого, но сейчас ночью еще совсем не темно. Не так, как зимой.

Мои глаза снова распахиваются. Я знала, что дни длинные, но закат в полночь?

– Я заменила затемняющие шторы в твоей комнате. Старые были потрепаны. Ты непременно захочешь их задернуть. Если только ты не такая же, как твой отец, который не против спать при свете дня. – Агнес подходит к холодильнику. – Ты, должно быть, голодна. Угощайся всем, что есть в...

Она морщит лоб, когда открывает дверцу и видит пустые полки, на которых нет еды, кроме приправ и нескольких напитков.

– Он обещал, что сходит за продуктами, – бормочет Агнес себе под нос, настолько тихо, что я не думаю, что она хотела бы, чтобы я это услышала. Она берет пакет молока, чтобы открыть его и понюхать. Ее нос морщится. – На твоём месте я бы не стала это пить.

– Все в порядке. Я все равно не могу пить молоко. У меня аллергия на молочные продукты.

Мне поставили этот диагноз, когда мне было пять лет. Этого, я уверена, отец не помнит. Агнес закрывает холодильник.

– Я уверена, что он ждал, пока сможет узнать, что тебе нравится. – Она натянуто улыбается. – Мейер открывается в восемь тридцать. Он свозит тебя туда первым делом.

Что ж, хорошо, что я не голодна.

И снова я не могу не задаться вопросом, действительно ли мой отец хочет видеть меня здесь. Разумеется, он мог бы захватить несколько элементарных продуктов питания, чтобы накормить дочь, когда она придет. Если бы ему было до этого дело.

– Когда именно вы сказали ему, что я приеду?

Агнес медлит, дотянувшись до стопки почты, лежащей на столешнице, и медленно просматривает письма, ее взгляд задерживается на маркировке.

– Вчера вечером.

Я вспоминаю нашу переписку в пятницу, когда я сообщила ей, что заказала билет на самолет – спасибо Саймону за то, что оплатил счет. В ответ Агнес написала, что мой папа очень рад моему приезду.

Это была явная ложь.

Почему она не сказала ему об этом в пятницу, сразу после получения моего письма? Почему ждала еще один день? Ожидала ли она, что он будет не просто «очень рад»? Что он сказал, когда Агнес сообщила ему новость? Какие слова и с какой интонацией были произнесены в этих стенах по поводу моего приезда?

Бросив нераспечатанную почту, Агнес начинает собирать сухие листья с растения базилика, которое стоит на верхней полке многоярусной подставки у двери, при этом она сосредоточенно хмурится.

– Устраивайся поудобнее, Калла. Твой отец должен скоро вернуться.

– Конечно.

Мой взгляд мечется по сторонам. Сейчас я чувствую себя как угодно, но только не удобно. Кухня определенно вмещает в себя все необходимое – базовую белую плиту, холодильник, простой круглый деревянный обеденный стол со множеством вмятин и царапин от многолетнего использования и потертую раковину из нержавеющей стали с окном над ней, из которого открывается вид на плоский пейзаж. И все же в этом помещении нет ничего особенно гостеприимного. Оно не похоже на нашу просторную и светлую кухню в Торонто с мечтательным эркером и мягким креслом у окна, которое стоит возле него, приглашая свернуться калачиком с книгой и горячим шоколадом в холодный зимний день.

Но, возможно, мой дискомфорт не имеет никакого отношения к декору, а все дело в том, что все мои волнения по поводу встречи с отцом оказались быстро подавлены нарастающим страхом, что я здесь нежеланный гость.

Я вдыхаю. В воздухе витает едкий запах горелого дерева и пепла, будто из дровяной печи. Не сигарет, замечу.

– Он бросил курить, да?

– Он работает над этим. Пойдем. Я покажу тебе твою комнату.

Агнес ведет меня из кухни в длинную, узкую гостиную. По крайней мере, на этой стороне дома нет уток-крякв, но она тоже лишена индивидуальности. Такая же тусклая, даже при включенном верхнем свете. Стены белые, с несколькими кусочками ничем не примечательного снежного пейзажа; ковер потертого овсяного цвета, с виднеющейся истертой дорожкой от порога до простой черной дровяной печи на бежевой плитке в дальнем углу.

– Когда твой отец не работает, ты найдешь его именно здесь. Здесь или снаружи. – Агнес машет рукой в сторону крыльца с навесом по ту сторону окна, которое больше, чем окно на кухне, но все равно слишком мало для комнаты такого размера.

Если не считать нескольких сложенных газет, сваленных в кучу на деревянном журнальном столике, не похоже, что комната используется часто. Как всегда, приоритетом для папы остается «Дикая Аляска».

Но на краю золотисто-черно-зеленого плетеного дивана на приставном столике лежит пресловутая доска для игры в шашки. Интересно, это та же самая, что была здесь когда-то давно?

Я чувствую на себе взгляд Агнес.

– Здесь... уютно, – говорю я.

– Ты такая же плохая лгунья, как и Рен. – Она улыбается. – Я постоянно говорю ему, что это место нужно освежить. Я даже оставила ему несколько передач о ремонте, что идут по телевизору. – Агнес указывает на маленький плоский экран, стоящий в углу, напротив дровяной печи и по другую сторону от кресла *LaZ-Boy*¹³ коричневого цвета. – Но он все время говорит, что не настолько часто здесь бывает, чтобы беспокоиться об этом.

Ее голос затихает, а взгляд устремляется на кресло, и ее, казалось бы, неизменная улыбка сползает.

Почему тогда она не сделает это сама? Рен не разрешает ей?

– В ближайшие недели он будет чаще бывать дома, верно?

– Да, полагаю, да.

Танцевать вокруг темы ракового диагноза моего отца больше нет смысла.

– Насколько все плохо, Агнес?

Она качает головой.

– Тот листок бумаги был полон медицинской белиберды, в которой я ничего не смогла понять.

– Но ведь он передал вам то, что сказали врачи, верно?

– Кто, Рен? – Она тихонько фыркает. – Он болел ужасным бронхитом несколько недель, пока я наконец не убедила его сходить к кому-нибудь. Врач решил сделать рентген, и вот так обнаружили опухоль. Но Рен никому не сказал. Он просто принимал антибиотики, и я думала, что ему становится лучше. Потом этот сукин сын полетел в Анкоридж на тайную биопсию и дополнительные анализы. – Я слышу в ее голосе грусть. – Все, что мне удалось из него вытянуть, это то, что у него рак легких и врачи предложили химиотерапию и облучение.

– Похоже, у них есть план.

В ожидании сегодняшнего стыковочного рейса я посвятила немного времени сайту Канадского онкологического общества, читая информацию о типах, стадиях и вариантах лечения рака легких. Изучить пришлось многое, и понять это было трудно. Все, что мне удалось вынести, это то, что лечение имеет решающее значение, а показатели выживаемости одни из самых низких среди всех видов рака.

– Если бы я могла взглянуть на эти документы, может быть, я могла бы погуглить...

– Я не знаю, где они. Он забрал их, как только я спросила его. Заставил меня пообещать, что я никому не скажу.

Обещание, которое Агнес явно нарушила, позвонив мне.

Мое собственное расстройство начинает нарастать.

– Когда врачи хотят начать лечение?

---

¹³ Американский производитель мебели.

– На следующей неделе. Ему пришлось обратиться в онкологическую клинику в Анкоридже, это ближайшая. Джона сказал, что будет летать с ним туда и обратно, чтобы Рен мог чувствовать себя комфортно дома в выходные дни.

Хорошо, что Джона гораздо охотнее летает в Анкоридж ради моего отца, чем ради меня, по крайней мере.

Мой взгляд скользит по негостеприимной гостиной.

– Почему бы вам не заняться перепланировкой, пока его нет?

Немного краски, новые картины, несколько ламп. Сейчас улучшением стало бы все что угодно.

Теперь в ее глазах мелькает веселье.

– Просто прийти к Рену домой и сорвать эти отвратительные обои на кухне?

Ее слова застают меня врасплох.

– То есть вы живете не здесь?

– Я? Нет. Я живу в маленьком белом доме через дорогу. Мы проезжали мимо него по пути.

– О... – Кусочки головоломки, которые я уже начинала складывать вместе, – понимание жизни моего отца – вдруг не сошлись. – Значит, вы соседи?

– Уже тринадцать лет. Твой отец владеет домом. Я арендую его у него.

Соседи. Коллеги. Друзья.

И «это сложно».

Я следую за ней по узкому коридору, переваривая новую информацию.

– Я все еще думаю, что вам стоит этим заняться. Моя мама покрасила книжные шкафы Саймона в один из выходных, пока он был за городом на конференции.

Саймон заплатил целое состояние за эти шкафы из золотого дуба, сделанные на заказ, еще до того, как встретил мою мать. Она золотой дуб презирает.

Я помню, как отхлынула кровь от его лица, когда он вошел в дверь и увидел новые и улучшенные шкафы нежно-белого цвета.

Он справился с этим... со временем.

– Да, но... Я не Сьюзан. – Агнес вздыхает так тяжело, что это приобретает более глубокий смысл.

Она ведет меня в маленькую угловую спальню с меловыми стенами и розовой хрустальной люстрой, висящей в центре комнаты.

– Ты бы видела все коробки, которые он сюда напихал. Вчера у меня ушел весь день на то, чтобы их вынести.

Весь день у Агнес, замечу. Не у Агнес и моего отца.

Теперь в комнате нет ничего, кроме двухспальной кровати с металлическим каркасом, примостившейся в углу у маленького окна, деревянного кухонного стула рядом с ней и простого белого комода с тремя ящиками на противоположной стороне. Прямо возле меня в стену встроены узкий шкаф с жалюзийной дверью. Такая же старомодная складная дверь была и в нашем доме в Торонто, пока мы не сделали перепланировку.

Только когда я прохожу в комнату дальше, то понимаю, что стены не просто белые, а украшены тускло-розовыми каллами разных размеров.

Наконец-то меня осеняет:

– Это была моя комната.

Моя мама однажды рассказала мне, что долгие мрачные месяцы, пока она ждала моего рождения, она провела, рисуя на стенах моей детской цветы с моим именем. Совершенно новое для нее хобби, вдохновленное скукой и тем фактом, что она не могла выращивать настоящие растения. Или что угодно, если уж на то пошло. В конце концов, это помогло ей сохранить

рассудок до поездки в Анкоридж, чтобы переждать срок родов в доме друга семьи, как это требовалось в те времена, чтобы гарантировать, что роды примет врач.

За эти годы ее мастерство значительно улучшилось. Мама все еще иногда рисует, обычно зимой, когда сады вокруг нашего дома засыпают и она ищет тихого спасения от ежедневной рутины цветочного бизнеса. Ее «студия» находится прямо напротив моей спальни и занимает переднюю половину третьего этажа. Светлая и просторная комната украшена полотнами рубиново-красных тюльпанов и ярких пионов с розовыми лепестками, выполненными маминой рукой. Некоторые из ее работ теперь украшают стены местных ресторанов и магазинчиков, под ними висят небольшие таблички с указанием стоимости продажи. Но в своей студии мама бывает редко, утверждая, что ей не нужно рисовать цветы, когда она целыми днями по локоть в настоящих.

Но двадцать шесть лет назад, в стране, которая немилосердна ко многим вещам, эта комната была ее садом.

И мой отец хранил рисунки все эти годы.

Агнес задумчиво смотрит на меня.

– Я подумала, что тебе это понравится.

– Мне нравится. Она идеальна. Спасибо.

Я бросаю сумку на пол.

– Ночью становится прохладно, поэтому я положила много одеял, чтобы тебе было тепло. – Агнес жестом указывает на красочную и разномастную стопку сложенных одеял у изножья моей кровати, а затем оглядывает пространство, словно ища что-то. – Я думаю, это все. Тебе нужно что-нибудь еще?

Я поднимаю свой телефон.

– Пароль от Wi-Fi?

– Да. Сейчас найду. Если ты захочешь освежиться, ванная комната находится здесь, слева. У твоего отца есть своя в его комнате, так что эта полностью в твоем распоряжении.

С усталым вздохом – если бы я не была на адреналине от предвкушения встречи с отцом, я бы, наверное, уже нырнула в эту кровать – я расстегиваю молнию нейлоновой дорожной сумки и начинаю ее освобождать, с досадой осознавая, как мало вещей мне удалось вместить.

И как промокло большинство из них.

– Проклятье!

Мои черные джинсы холодные и мокрые, как и мой свитер, беговая экипировка и две рубашки, которые я поспешно сунула в правую часть сумки. С той стороны, которую Джона так небрежно бросил в лужу с мутной водой. Стиснув зубы, чтобы сдерживать гнев, я достаю из шкафа небольшую плетеную корзину для белья и бросаю туда все.

– Нашла.

Агнес протягивает листок бумаги, зажатый между огрубевшими пальцами. Ее ногти без лака и обгрызены до крови.

– Отлично. Спасибо. Где я могу постирать? Моя одежда промокла из-за Джоны. – Я не пытаюсь скрыть горечь в голосе.

Агнес тихо охает и тянется к корзине.

– Джона потерял отца из-за рака несколько лет назад, и ему трудно справиться с новостями о Рене. Думаю, что сегодня тебе досталось по полной программе.

– Значит, он знает.

Она кивает.

– Рен не хотел пока говорить ему, но Джона слишком внимателен. Он выудил это у меня сегодня. В любом случае прости, если он был немного груб.

Вот что заползло в задницу Джоны и привело его в такое скверное настроение? Даже если так, это все еще далеко от приемлемости, но у меня нет нужды копать слишком глубоко, чтобы отыскать сочувствие к нему.

И разве он не должен испытывать хотя бы толику сочувствия ко мне?

– Машинки находятся за пределами кухни. Пойдем, я покажу тебе. – Агнес замедляет шаг, ее темные глаза распахиваются, когда она замечает огромное количество средств для волос, щеток и красивых косметичек, которые съели половину дорожной сумки и теперь занимают верхнюю часть комода. – Ты пользуешься всем этим каждый день?

– В основном... да.

Дома в моей комнате лежит вдвое больше, я взяла с собой лишь основное.

Агнес качает головой.

– Я бы даже не поняла, с чего начать, – бормочет она.

Где-то снаружи хлопает дверь автомобиля. Агнес поворачивается на звук, замерев, чтобы прислушаться. Через несколько мгновений на деревянных ступенях, ведущих к входной двери, раздаются тяжелые шаги.

Она делает глубокий, резкий вдох, и впервые с тех пор, как я услышала ее голос в трубке, я чувствую нервозность, исходящую от нее. Несмотря на это, она улыбается.

– Твой папа дома.

Глава 7

Я задерживаюсь, наблюдая за легкой фигурой Агнес, пока она спокойно и непринужденно идет по коридору с бельевой корзиной на правом бедре.

Но в этом нет ничего спокойного или непринужденного.

В моем животе трепещет дрожь, странное пламя предвкушения и ужаса. Окажется ли Рен Флетчер той версией, которую я представляла себе, когда была маленьким ребенком и росла, а его фотография была крепко зажата в моих маленьких ручках? Тихим, но добрым человеком, который подхватывал меня на руки и подбрасывал в воздух после долгого дня пилотирования самолетов?

Или я столкнусь с той версией, которой он стал позже, после того, как разбил мне сердце? Настоящей версией. Тем, кто никогда не пытался узнать меня.

– Итак? Как все прошло? – Агнес прислоняется к стене, ведущей на кухню, спиной ко мне. Как если бы это был еще один обычный день.

– Они получили свои припасы, – отвечает глубокий мужской голос с нотками ехидства.

Где-то глубоко внутри меня поднимается странное чувство дежавю. Я уже слышала этот голос. Много лет назад, через телефонную трубку, передаваемый по тысячекилометровым проводам, изредка оттеняемый помехами и намеком на эхо. Скорее всего, когда я спрашивала его, что он делал в тот день.

– А лоси?

Рен отвечает слабым смешком, и это вызывает дрожь в моем позвоночнике, потому что этот звук мне тоже знаком.

– В конце концов они отогнали их с песчаной отмели на восток. Хотя это заняло у них много времени. Мне почти пришлось развернуться.

Тишина длится в течение одного... двух... трех ударов сердца.

А затем...

– Итак?

Одно слово с таким тяжелым значением.

– Она в своей комнате, обустроивается. Джона был занозой в заднице.

Еще один смешок.

– А когда он таким не был?

Если мой отец и сердится на Агнес за то, что она притащила меня на Аляску, он хорошо это скрывает.

– Ладно... Я отпущу тебя и поздороваюсь.

Агнес исчезает в кухне.

Я задерживаю дыхание, слушая скрип пола и звук приближающихся шагов. Мое сердце бешено колотится.

И вдруг я оказываюсь лицом к лицу со своим отцом. Сейчас он намного старше, чем на той потрепанной фотографии, которая до сих пор хранится у меня дома под свитерами, и все же он словно вышел из рамки в реальную жизнь. Его волнистые волосы все еще слишком длинные, будто из 1970-х годов, но коричневый цвет в основном сменился сединой. Там, где раньше его кожа была подтянутой и гладкой, возраст вырезал глубокие морщины и изломы. На нем та же одежда – джинсы, походные ботинки и слой клетчатой фланели.

И он выглядит... здоровым. Только сейчас я понимаю, что готовилась к мужской версии миссис Хаглер – хрупкой и сгорбленной, с пепельным цветом лица и хрипящим грудным кашлем. Но, глядя на Рея, вы бы ни за что не догадались, что у него рак легких.

Между нами остается метра три, и ни один из нас, похоже, не готов сделать шаг, чтобы преодолеть их.

– Привет... – нерешительно говорю я.

Я не называла его папой с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать лет. Внезапно возникает ощущение неловкости. Я сглатываю свой дискомфорт.

– Привет.

– Здравствуй, Калла. – Его грудь поднимается и опускается от глубокого вздоха. – Боже, ты уже совсем выросла, а?

С тех пор, как ты видел меня в последний раз, двадцать четыре года назад? Да, я надеюсь на это.

Но сейчас я не чувствую себя двадцатишестилетней женщиной. Сейчас я чувствую себя сердитой и обиженной четырнадцатилетней девочкой, переполненной неуверенностью и сомнениями, признающей, что этот мужчина – тот, который не пошевелил ни единым мускулом, чтобы сократить это последнее расстояние, – принял сознательное решение не присутствовать в моей жизни.

Я не знаю, что делать со своими руками, но чувствую желание куда-то их деть. Я засовываю их в карманы джинсов, затем вытаскиваю наполовину, а потом вынимаю полностью, чтобы сжать в кулаки. После складываю и убираю в подмышки, обхватывая руками грудь.

Отец прочищает горло.

– Как прошли твои перелеты?

– Отлично.

– Хорошо.

Стук металлической двери и звяканье циферблата на заднем фоне напоминают мне, что Агнес все еще здесь.

– Ты голодна? У меня не было возможности сходить за покупками...

– Нет. Я в порядке. Я ела в Сиэтле.

Он медленно кивает, его взгляд изучает изношенный ковер под нашими ногами.

– Как твоя мама?

– Отлично.

Без сомнения, она выпивает уже третий бокал вина и сводит Саймона с ума в ожидании моего звонка и наматывая круги вокруг него, пока он сидит в кресле. Я колеблюсь.

– Она потрясена новостями.

Не думаю, что стоит рассказывать подробности.

– Да, ну... это то, что есть. – Отец тянется в карман пальто, чтобы достать пачку сигарет. – Тогда я дам тебе устроиться. Увидимся утром.

Он поворачивается и просто исчезает. Дверь кухни издает громкий стон, сигнализируя о его уходе.

Я тарашусь на пустое место, где он стоял.

«Увидимся утром»?

Четыре самолета, пять с половиной тысяч километров и двадцать четыре года спустя – и все, что я получаю от своего отца, это две минуты вежливого разговора и «увидимся утром»?

Разочарование грозит сбить меня с ног.

Я чувствую, что на меня смотрят, и, подняв голову, вижу Агнес, ее темный, обеспокоенный взгляд изучает меня.

– Ты в порядке?

Я проглатываю эмоции.

– Я в порядке. – Мой дрожащий голос предает меня.

– Рен не очень хорош в выражении чувств. Для него это очень сложно.

Я издаю задыхающийся смешок, но все, что я чувствую, это желание плакать.

– Для него? А что насчет меня?

По крайней мере, улыбка, которой Агнес одаривает меня, полна сочувствия.

– Я перенесу твою одежду в сушилку за тебя. Иди и поспи немного. Завтра станет лучше.

Я рада этому освобождению. Я ныряю в свою спальню, захлопываю за собой дверь, борясь с нарастающим колючим чувством, которое твердит, что я совершила ужасную ошибку, приехав сюда.

Я определяю момент, когда телефон подключается к интернету, потому что раздается быстрая череда пиканий – все это сообщения от мамы.

«Ты уже добралась до Анкориджа?»

«Дай знать, когда приедешь к отцу».

«Ты уже там?»

«Ладно, я проверила твои рейсы и вижу, что была задержка из Сиэтла в Анкоридж. Позвони мне, как только сможешь».

«Я позвонила в "Дикую Аляску", и они сказали, что ты приземлилась около пятнадцати минут назад. Ты уже добралась до своего отца?»

Мои пальцы замирают над экраном, пока я решаю, что ответить. Если я честно расскажу маме обо всем, она будет настаивать на звонке, а у меня пока нет сил разбирать это катастрофическое воссоединение с ней и Саймоном.

«Я добралась. Ты была права насчет маленьких самолетов. Я вымотана. Позвоню тебе завтра».

«Первым же делом, хорошо? Мы любим тебя!»

«И не забудь сделать много фотографий!»

Я быстро меняю одежду на пижаму – одну из немногих вещей, которые, к счастью, не намокли, – и бросаюсь в ванную, чтобы умыться. Моего отца и Агнес нигде нет, что заставляет меня предположить, что они разговаривают снаружи.

Снова закрывшись в своей спальне, я задергиваю шторы и забираюсь под одеяло с телефоном, надеясь отвлечься от мрачных мыслей.

Я открываю фотографию, которую Агнес сделала ранее. Каким бы ужасным ни был полет на этой штуке, мы хорошо получились вместе, веселые цвета самолета особенно выделяются на мрачном фоне.

Единственный недостаток – мудака, попавший в кадр. Джона стоит спиной к камере, его планшет зажат в руке, но голова повернута, чтобы продемонстрировать мех на его лице и тот факт, что – ошибки быть не может – он наблюдает за мной. Будь это любой другой парень,

фотография могла бы рассказать иную историю – романтическую сказку о мужчине, которого влечет к женщине.

Но у нас не тот случай.

Я играю с различными инструментами редактирования фотографий, обрезаю, настраиваю и фильтрую, пока у меня не получается потрясающий снимок для инстаграма, без злобного пилота маленького самолета.

Но пальцы замирают на клавиатуре, я не в силах придумать подходящую подпись. В моей голове проповедует голос Дианы: «Не унывай и вдохновляй! Бонусные баллы за юмор!»

Сейчас я чувствую обратное.

Мне всегда трудно придумывать подписи. Не Диане. Но, опять же, большинство ее сообщений не похожи на нее, по крайней мере, на мою лучшую подругу Диану – девушку, которая запикивает в рот картофель фри по пять штук за раз, пока жалуется на юристов в своей фирме.

Как я могу сделать что-то в сегодняшнем дне радостным или вдохновляющим?

Как я должна солгать?

Сохраняя поверхностность – вот как. Просто, светло и радостно. Я быстро набираю первое, что приходит на ум: «Городская девушка в дикой местности Аляски. Люблю мою жизнь!» Я добавляю кучу хэштегов – еще одно золотое правило от Дианы – и нажимаю «Запостить».

Все это время я кусаю губы от беспокойства, которое приходит вместе с возрастающим осознанием реальности: что все были бы счастливее, если бы Агнес никогда не сделала тот телефонный звонок.

Я просыпаюсь под мягкие океанские волны, ритмично плещущиеся о берег, – мирный звук, созданный приложением «Белый шум», которое я использую каждую ночь.

На долю секунды забываю, что я безработная и одинокая. И на Аляске, где встретила с отцом, который, возможно, тяжело болен, но все равно не хочет, чтобы я здесь была.

Сдвинув с лица маску для сна, я позволяю глазам адаптироваться, фокусируюсь на слабом отблеске дневного света, проникающего за край штор. Мои мышцы болят от усталости после вчерашнего долгого и изнурительного путешествия. А может быть, дело в этой кровати. Моя кровать дома больше – достаточно большая, чтобы я могла раскинуться во все стороны и ни одна конечность не свисала с края, – и отделана пеной с эффектом памяти, чтобы подстраиваться под мое тело. По сравнению с ней эта имеет все качества койки Армии спасения.

Подушка ненамного лучше, жесткая и слишком бугристая для моего лица. Прошлой ночью я била по ней, наверное, дюжину раз, пытаюсь смягчить ее, но потом сдалась.

Я шарю по маленькому деревянному стулу рядом со мной, пока пальцы не находят телефон.

У меня вырывается стон. Еще нет и шести утра, а я уже проснулась. Но, опять же, я не должна удивляться: мои внутренние часы считают, что уже десять.

Меня также не должно удивлять, что моя мама уже прислала три сообщения.

«Ты проснулась?»

«Как дела у твоего отца? Он хорошо выглядит?»

«Скажи, когда проснешься!»

Она пыталась и позвонить.

К инквизиции Сьюзан Барлоу я пока не готова. Я имею в виду, что я вообще могу ей сказать? «Отец выглядит здоровым, встреча с ним была короткой и неловкой» в лучшем случае, и я не знаю, какого черта я приехала?

Еще есть два сообщения от Саймона.

«Будь терпима к своей матери».

«Не забывай, что ты для него незнакомка, как и он для тебя».

– Да ты что, Саймон, – бурчу я.

Я уверена, что за его словами скрывается более глубокий смысл. Он всегда есть. Вот с кем мне сейчас нужно поговорить. Я отчаянно нуждаюсь в одной из его ободряющих психологических бесед. Но я уверена, что все утро Саймон будет заниматься рецептами и настоящими пациентами, так что мои вопросы подождут.

Если и есть что-то хорошее в столь раннем пробуждении, так это то, что я выиграла несколько часов до того, как придется звонить домой.

Я удовлетворенно вздыхаю, когда открываю инстаграм и обнаруживаю под своим постом о маленьком самолете больше лайков, чем обычно, и дюжину новых подписчиков. Я всегда могу рассчитывать на то, что Диана оставит комментарий, изобилующий эмодзи и восклицательными знаками, наряду с обычными комментариями моих друзей и нескольких постоянных подписчиков: «Мне нравится твой наряд!», «Прекрасный снимок!», «Ты такая красивая!», «У меня тоже есть такая шляпа!». Но есть и пара других. Люди говорят, как мне повезло оказаться на Аляске, какая я авантюристка и как они всегда хотели туда поехать.

Эти люди – незнакомцы – видят красивую, хорошо одетую девушку, наслаждающуюся жизнью. Никто из них не знает настоящей истории о том, почему я здесь и почему уже думаю о возвращении домой. Они не чувствуют ни моего одиночества, ни узла в моем животе. Такова магия социальных сетей. Но в том, чтобы прятаться за иллюзией, есть и странный комфорт. Если я буду долго смотреть на себя рядом с оранжево-желтым игрушечным самолетом и перечитывать искристую надпись много раз, возможно, я сама начну покупать то, что продаю.

Я трачу несколько минут на то, чтобы ответить людям, пока базовые человеческие потребности не возьмут верх.

Сбросив с себя тяжелый слой одеял, я встаю с кровати и быстро переодеваюсь во вчерашний наряд, моя кожа покрывается мурашками от хрустящего, прохладного воздуха. Это освежает по сравнению с удушающей летней жарой и спертым воздухом, циркулирующим через вентиляционные отверстия дома.

Запах свежесваренного кофе дразнит мой нюх, как только я открываю дверь спальни. К своему восторгу, я обнаруживаю корзину со сложенной чистой одеждой, стоящую у моих ног. Я отодвигаю ее в сторону на время и тихонько иду по коридору, в животе бурлит та же противоречивая смесь тревоги и волнения, что и прошлой ночью.

Гостиная пуста.

Как и кухня.

– Привет? – зову я и жду.

Ничего. Ни шороха, ни скрипа половиц, ни шума воды в ванной комнате. Здесь жутко тихо, единственный звук – тик-тик-тик настенных часов на кухне.

Но мой отец был здесь, я вижу это по не совсем полному кофейнику и использованной кружке, стоящей рядом с ним, с ложкой внутри. Я высовываю голову из двери, чтобы посмотреть, не курит ли он сигарету. Снаружи стоит старый черный грузовик «Форд», состояние которого лишь немногим лучше, чем у машины Агнес, но нет ни следов отца, ни даже слабого запаха никотина.

Лишь вернувшись в дом, я замечаю лист линованной бумаги, лежащий на столешнице рядом с холодильником. Сверху аккуратным шрифтом выведено мое имя. Рядом лежит стопка американских двадцатидолларовых купюр.

«Не знал, что ты захочешь съездить. Ключи в грузовике. Мейер находится в восьми километрах отсюда. Езжай на восток до конца дороги, поверни направо, затем второй поворот налево в городе. Утром дождь должен прекратиться, если вдруг захочешь прогуляться».

Внизу страницы нацарапана буква «Р», будто он начал писать свое имя, но потом решил отказаться от этой идеи. Но он не заменил ее на «папа».

Полагаю, он ушел на работу. Он всегда так рано уходит на работу?

Или он избегает меня?

Под влиянием импульса мои пальцы касаются края его керамической кружки. Все еще теплая. Свидетельство того, что он был здесь, и не так давно. Наверное, он сбежал, как только услышал звуки из моей комнаты, с ужасом понимаю я.

Как он добирался до работы без своего грузовика, я и предположить не могу. Может, его подвезла Агнес?

Несмотря на это, Рену явно не пришло в голову, что у меня может не быть водительских прав.

– Нет-нет, ты иди работай, пап. Что? Мы не виделись двадцать четыре года? Ничего страшного. Я бы никогда не стала ждать, что ты возьмешь час или два отдыха. Серьезно, я о себе позабочусь, – бормочу я, пытаюсь подавить жжение в груди.

Потратив несколько минут на то, чтобы порыться в пустом холодильнике и беспорядочных шкафах, я узнаю, что отец живет на кофе, дешевом арахисовом масле с сахаром и замороженных ужинах из макарон с сыром.

Хорошо, что я не голодна. Однако я отчаянно хочу один из пенистых латте с соевым молоком от Саймона. У меня не так много пороков, но доза кофеина по утрам – номер один в этом коротком списке. В редчайших случаях, когда я пропускаю прием кофе, – я могу сосчитать такие дни на пальцах одной руки, – к полудню моя голова пульсирует.

Пять лет назад Саймон удивил нас на Рождество модной кофемашиной для бариста, которая может посоперничать со «Старбаксом». Клянусь, он каждое утро сидит за барной стойкой со своей чашкой «Эрл Грей» и «Глоб энд Мейл» и ждет первый скрип шагов с третьего этажа только для того, чтобы нажать кнопку «Варка». К тому времени, когда я, пошатываясь, спускаюсь на кухню в полусонном состоянии, Саймон уже сует мне в руки горячую кружку. По его словам, чтобы держать Кракена под контролем, но я почти уверена, что это больше связано с его тайным увлечением пенообразователем.

Во мне шевелится тоска по дому, но я отодвигаю ее в сторону, сосредоточившись на текущем вопросе. Заведение этого Мейера откроется только через два с половиной часа. Это значит, что у меня есть время, которое можно убить, пока я буду думать, как мне туда добраться, чтобы пережить этот день.

* * *

Бисеринки пота стекают по моему лицу, когда я приостанавливаюсь, чтобы глотнуть воды и перевести дыхание. Мой взгляд падает на мшисто-зеленый дом отца вдалеке. Я продержалась двадцать минут в этом жутко тихом, неудобном месте, не имея ничего, кроме тревожных мыслей и ноутбука, прежде чем беспокойство заставило меня выйти наружу. Надеть беговое снаряжение и исследовать окружающую обстановку показалось хорошим предлогом для побега.

Я вижу вдалеке дом Агнес. Он словно зеркальное отражение дома моего отца – тот же размер, то же расстояние от дороги, то же деревянное крыльцо, ведущее к двери, – за исключением того, что он белый и на подъездной дорожке нет грузовика. Когда я отважилась выйти, его уже не было. Предполагаю, Агнес тоже на работе.

Трекер километража на телефоне утверждает, что я пробежала десять километров, и за все это время не потеряла из виду ни один из домов. Обзор мало что загораживает – низкие кусты и несколько разбросанных зданий, – и нет ни одной живой души, которая могла бы отвлечь мое внимание.

Ни одного человека, проезжающего мимо на машине или на тракторе или выгуливающего собаку. В тишине нет даже отзвуков собачьего лая. Это тревожно. Я так привыкла к постоянному потоку людей, гудкам машин, реву двигателей и грохоту стройки. Для меня это белый шум, и я стала нуждаться в нем, как нуждаюсь в ритмичных волнах приложения, чтобы

заснуть. Добавьте к этому тот факт, что тут не ловит сотовая связь, и я чувствую себя полностью отрезанной от мира.

Как может кто-то находить это умиротворяющим?

– Ой! – Я шлепаю себя по бедру, и в месте соприкосновения ладони с кожей остается раздавленное крошечное тельце. Комары не унимаются с самого утра, облепляя мою влажную обнаженную плоть.

Второй и третий укол в руку и икру заставляют меня возобновить бег. Похоже, это единственный способ хоть немного отдохнуть от укусов.

Я продолжаю двигаться по дороге ровным твердым темпом; ритмичный стук моих кроссовок о грязь – единственный звук, пока до слуха не доносится знакомое низкое жужжание. Желтый чартерный самолет поднимается в небо надо мной, выравниваясь чуть ниже толстого слоя ворсистых облаков цвета овечьей шерсти, таких, которые обещают дождь в любой момент. Я не могу различить логотип на боку самолета, но это вполне может оказаться чартер «Дикой Аляски».

Это вполне может быть мой отец.

Старается оказаться как можно дальше от своей дочери.

Видит ли он меня здесь, внизу, в моем ярко-розовом беговом костюме и в таких же кроссовках?

По крайней мере, раньше они были розовыми. Теперь они покрыты грязными брызгами из-за дороги. Неделя в этом месте, и я с таким же успехом могла бы выбросить их на рельсы станции метро «Дэвисвилл», чтобы они присоединились к той потерянной кроссовке.

Самолет исчезает вдали, и я снова остаюсь в полном одиночестве. Только я и миллион кровососущих комаров.

Впереди – скопление зданий, похожих на сараи, окруженные низкой, колючей живой изгородью. Они всех форм и размеров, и все с рубиново-красными крышами. Некоторые из них напоминают дома, а другие – амбары. Но для чего? Моя мама утверждала, что в таком климате ничего не растет. Подойдя ближе, я вижу прозрачные конструкции, установленные за зданиями. Это определенно теплицы. Повсюду стоят пикапы и тракторы, разбросаны садовые грядки с рядами растительности. Некоторые из них покрыты белым пластиком, другие выложены белыми полукруглыми обручами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.